

НАРОЧИТЫЕ И ЛУЧШИЕ МУЖИ X–XIII ВВ. ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ЭТИХ ТЕРМИНОВ В ДРЕВНЕРУССКИХ ИСТОЧНИКАХ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ЗНАТИ

Аннотация: Данная работа посвящена комплексному исследованию употребления терминов «нарочитые» и «лучшие» «мужи» применительно к знати X–XIII в. Автор приходит к выводу, что термин «нарочитые» использовался для обозначения неслужилой знати X–XI в. и после XI в. уже не употреблялся в качестве обозначения знатных людей. Термин «лучшие» использовался в более широком значении – как по отношению к неслужилой знати, так и к княжеским людям, а иногда, вероятно, использовался в виде качественной характеристики лучших воинов и дипломатов.

Ключевые слова: М. Б. Свердлов, лучшие мужи, нарочитые мужи, древляне, дружина, неслужилая знать, бояре, Повесть временных лет, Начальный свод, Новгородская I летопись.

В историографии неоднократно упоминались древнерусские нарочитые мужи X–XI в. В частности, в последнее время эта тематика была рассмотрена выдающимся исследователем домонгольской Руси М. Б. Свердловым¹, который, пожалуй, дал нарочитым мужам наиболее четкое определение и обозначил даты их упоминаний в Повести временных лет (далее – ПВЛ). Однако до сих пор все их упоминания в источниках комплексно не изучены. Настоящее исследование представляет собой попытку заполнить эту лакуну. В нем рассмотрены все случаи употребления в древнерусских источниках

термина «нарочитый» по отношению к знати.

Исследователи, как правило, относят мужей нарочитых к местной неслужилой знати². Другое дело, что в последнее время в работах отдельных историков высказываются мысли, что данный термин не отражал реалий рассматриваемого времени.

Так, по утверждению В. Г. Лушина, «Летописные упоминания древлянских мужей «лучших» и «нарочитых» ... не обязательно являют собой прямые указания на социальную и политическую терминологию середины X в. или структуру элиты восточнославянского племени. Автор ПВЛ писал на языке, впитавшем не только обозначения ступеней стратификации общества своего, более позднего времени (начала XII столетия), но и отдельные слова и речевые обороты из древнеславянских переводов библейских текстов и византийских хроник, служивших образцами для

²Пожалуй, единственное исключение представляет собой работа А. А. Горского, в которой высказано предположение, что древлянские нарочитые, или лучшие мужи, державшие Древлянскую землю, относились к княжеской дружине (Горский А. А. О «племенной знати» и «племенах» у славян // Florilegium. К 60-летию Б. Н. Флори. М., 2000. С. 67.) Но как показали П. Л. Лукин и П. С. Стефанович, эта гипотеза основана на неверной трактовке источника, согласно которому они названы дружиной древлян, а не князя Мала. Также Лукин и Стефанович отметили, что их послала в Киев Древлянская земля, а не князь (Лукин П. В. «Старцы» или «старшие»? О терминологии славянской «племенной знати» // Славяноведение. Вып. 2. 2010. С. 27. Примеч. 20; Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины. Военно-политическая элита Руси в X–XI века. М., 2012. С. 205).

¹Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб., 2003. С. 89-90, 265, 327.

древнерусского книжника. Выявляются библейские параллели и в речи к Ольге древлянского посольства из статьи 6453 (945) г. [Вилкул Т., 2015, с. 320, 321, 327]»³.

В то же время, сам Лушин не приводит никаких параллелей из переводной литературы ни «лучшим», ни «нарочитым» мужам. Нет их и в упомянутой им статье Т. Л. Вилкул, в которой высказано предположение о конструировании летописцем в XII в. древлянских князей, распавших землю, а не нарочитых, лучших мужей⁴.

Другое дело, что приведенные в указанной статье Т. Л. Вилкул параллели речи древлянских послов с выдержками из книги пророка Иезекииля в действительности являются далеко не бесспорными. Дело в том, что сравнение киевского князя Игоря с волком в ПВЛ встречается и выше, в сообщении о принятом древлянами решении убить князя: «Слышавше же деревляне, яко опять идетъ, сдумавше со княземъ своимъ Маломъ: «Аще ся въвадитъ волкъ въ овцѣ, то вытнositъ все стадо, аще не убьютъ его: тако и се, аще не убьемъ его, то вся ны погубить»»⁵. Поэтому следует полностью согласиться с М. Б. Свердловым, что летописная речь древлянских послов от имени Древлянской земли, в которой Игорь вновь сравнивается с волком – расхитителем и грабителем, в противоположность добрым древлянским князьям, распавшим Древлянскую землю⁶, является непосредственным развитием этой мысли⁷, а не компиляцией из противоположных по смыслу библейских сюжетов. Следовательно, нет оснований полагать, что летописец сконструировал упоминаемые им социальные группы древлян вроде князей, а тем более –

«лучших мужей» под впечатлением от привлеченных Вилкул выдержек из книги пророка Еезекииля⁸.

В другой работе Т. Л. Вилкул находит некоторые параллели двум летописным известиям о древлянах в древнерусском переводе византийской хроники Г. Амартола.

Во-первых, Вилкул сравнила летописное обращение Ольги к древлянским «лучшим мужам»: «добрѣ гостѣ придоша» с оборотами «добрѣ придоша друзи» и «добрѣ да приде честнии»⁹. Впрочем, эти параллели не бесспорны: слова «добрѣ» и «придоша» были не настолько уникальными в древнерусских источниках, чтобы их можно было только заимствовать из неблизких по смыслу переводных текстов. При этом в данных фрагментах хроники Амартола опять же не упоминаются социальные категории, сходные с летописной древлянской элитой.

Во-вторых, ниже Т. Л. Вилкул проводит более удачную параллель рассказа летописи уже об избииении и порабощении древлянских горожан неясного социального статуса со сведениями древнерусского перевода греческой хроники Г. Амарторла об аналогичной участи иерусалимских «жидовъ нарочитыхъ»: в летописном тексте «и прочая люди овыхъ изби а другия работе предасть мужемъ своимъ» действительно можно видеть парафраз из перевода хроники Амартола: «овехъ же умрѣти, другыхъ работе предасть княземъ своимъ»¹⁰. Но, разумеется, было бы натяжкой предполагать, что русский летописец сконструировал погубленных Ольгой в Киеве древлянских послов из среды «нарочитых» мужей по образу «жидовъ нарочитыхъ», захваченных при взятии Иерусалима.

Кроме того, делая весьма ответственное заявление, что летописные

³Лушин В. Г. О предгосударственных образованиях на восточнославянских землях // Историко-археологический сборник. Зимовники, 2020. С. 79.

⁴Вилкул Т. Л. Нові біблійні запозичення у Повісті временних літ: книги пророків // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 15. Київ, 2015. С. 321, 327.

⁵ПВЛ. СПб., 1996. С. 27.

⁶Там же.

⁷Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... С. 88.

⁸Ср: Вилкул Т. Л. Нові біблійні запозичення... С. 327.

⁹Вилкул Т. Л. Літопис і хронограф. Студії з домонгольського кийського літописання. Київ, 2015. С. 122.

¹⁰Там же. С. 132.

упоминания «лучших» и «нарочитых» древлянских мужей «не обязательно являют собой прямые указания на социальную и политическую терминологию середины X в. или структуру элиты восточнославянского племени», а могли быть упомянуты в ПВЛ в соответствии с реалиями XII в., В. Г. Лушин не рассмотрел все случаи употребления этих терминов в данном источнике. В противном случае исследователь не мог бы не заметить, что практически все упоминания «нарочитых» людей, мужей, относятся к середине – концу X в. К следующему – XI в. относится единичный случай употребления в ПВЛ этого термина¹¹ – под 1015/1016 г., который, как отметил М. Б. Свердлов, был последним¹². В дальнейшем этот термин не был характерен для русского летописания в качестве обозначения знати. Последние упоминания «нарочитых» людей в южнорусских источниках в качестве знати содержатся в Церковном уставе Ярослава Мудрого¹³, и датировку их появления в Уставе нет оснований выносить за пределы XI ст.¹⁴ В

дальнейшем этот термин, по-видимому, уже не употреблялся в древнерусских источниках в качестве обозначения знатных людей и знатности¹⁵. Таким

заметить, что с нормами Русской Правды XII в. ближе всего соотносятся отдельные статьи Устава. И появление этих сравнительно поздних статей автор относит не строго к XII в., а к интервалу «второй половины XI–XII вв.» (Там же. С. 292). При том в Уставе они помещены значительно ниже тех статей, в которых упоминаются нарочитые люди. Кроме того, Я. Н. Щапов сопоставил некоторые статьи Устава с договором Новгорода с Готским берегом и немецкими городами конца XII в. и резюмировал: «несмотря на некоторое различие в единицах денежного счета, социальных градациях, упоминаемых в статьях, и в обозначении поступков, статьи обоих памятников близки между собой. Они могут быть отнесены к одному примерно времени» (там же. С. 293). Вместе с тем стоит учесть, что в новгородском акте «правда» выступает отнюдь не в качестве нововведения в севернорусском законодательстве, а касается прежде всего иноземных новгородских торговых партнеров: «Се язъ князь Ярославъ Володимеричъ сгадавъ с посадникомъ с Мирошкою и с тысяцкымъ Яковомъ и съ всеми Новгородьци, потвердимомъ мира старого с посломъ Арбудомъ и съ всеми Немецкыми сыны и съ Гты и съ всемъ Латиньскымъ языкомъ. Послал есмь посла своего Григу на сеи правде» (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.–Л., 1949. № 28. С. 55). Стоит учесть, что данный договор «не был первым торговым соглашением между Новгородом и его западными партнерами, а являлся подтверждением «старого мира», который, возможно, был заключен с островом Готланд в период его господства на Балтийском море еще в первой половине XII в.» (Рыбина Е. А. О двух древнейших торговых договорах Новгорода // Новгородский исторический сборник. № 3 (18). 1989. С. 45). И не ясно, в какой мере статьи этой «правды» во время составления этого договора являлись новшеством даже в отношении готских и немецких купцов, а в какой – повторением условий подтвержденного «мира старого». Поэтому время составления некоторых статей Церковного устава Ярослава Мудрого не вполне корректно соотносить с упоминанием подобных правил в указанном новгородском мирном договоре с Готландом и немецкими городами. Ныне П. С. Стефанович также склонен относить упоминания «нарочитых» людей в Церковном уставе Ярослава Мудрого к архетипу этого памятника середины XI ст. (Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины... С. 522).

¹⁵В т. н. летописце Даниила Галицкого термин «нарочитый» фигурирует дважды – по отношению к нарочитому (знаменитому) предсказателю по

¹¹ПВЛ. С. 62. П. В. Лукин считает это поздним домыслом киевского хрониста и полагает более достоверной именно формулировку Новгородской I летописи младшего извода о «воях славных тысяче». По мнению ученого, речь шла не о знати, а о тысяче самых «видных», «прославленных» новгородских воинов, «отборных воинах». (Лукин П. В. Новгородское вече. М., 2014. С. 96–100). Однако, как мы отмечали, это предположение является не доказанным, так как, ссылаясь на иностранные примеры, П. В. Лукин не находит ни одного подобного случая в древнерусской практике. Русские хронисты впоследствии были склонны ассоциировать 1000 славных воинов именно с местной элитой, а не с некими отборными воинами, взятыми ученым из иноземных реалий (Несин М. А. Институт новгородских тысяцких в XII–XV вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Воронеж, 2018. С. 39. Примеч. 107).

¹²Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... С. 90.

¹³Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 86–87.

¹⁴Я. Н. Щапов относит складывание ядра Устава к XI – первой половине XII в. (Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972. С. 291–293). Однако не трудно

полету птиц и нарочитым польским «боярам», чем-то выделявшихся на фоне «иных» польских «воев» (Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 2. СПб., 1908. Стб. 799-800). Во втором случае речь, возможно, идет о выдающихся боярах (Літопис руський / Пер. з давньорус. Л. Є. Махновця; Відп. ред. О. В. Мишанич. Київ, 1989. С. 402). Однако, не исключено, что в этот раз слово «нарочитые» тоже было употреблено в значении «знаменитые: захваченный князем Даниилом Романовичем Гаплицким в плен «старейший» поляк (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 800) – польский военачальник «Твориан» (Флориан Войтехович) и раньше упоминался в том же источнике (там же. Стб. 739) в качестве королевского польского посла (Літопис руський. С. 378), с которым оба волыньских князя Романовича заключили мир. В севернорусском летописании под 1300 г. есть отдельное упоминание шведских «нарочитых мужей» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НЛ) // ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 91). Но стоит принять во внимание, что в этом же летописном известии есть пример упоминания термина «нарочитый» отнюдь не в значении знатности: «приведоша изъ своєї земли мастера, из великого Рима от папы мастеръ приведоша нарочить» (там же). Речь идет о выдающемся или известном мастере. И. И. Срезневский полагал, что в данном случае слово «нарочить» употреблено в значении «отличный» (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Том второй. Л–П. СПб., 1902. Стб. 323), но отличного мастера для постройки крепости на р. Неве шведы бы сумели найти и в своей «земле», откуда они привезли для этой цели других мастеров. Из Рима от самого римского папы имело смысл нанимать лишь выдающегося, знаменитого зодчего. Тот же И. И. Срезневский привел несколько примеров употребления слова «нарочитый» в значении «знаменитый, выдающийся» (там же). Но как бы то ни было, не исключено, что применительно к шведским мужам это слово было употреблено в подобном значении. Во всяком случае в новгородских источниках данный термин не фигурирует в качестве обозначения местной элиты. Составители 10 выпуска Словаря русского языка XI–XVII вв. приводят в значении «знатные, именитые» упоминания нарочитых мужей в Сказании о Борисе и Глебе XII в., нарочитых бояр в известии московского летописного свода конца XV в. о Куликовской битве и нарочитых людей в документе 1659 г. (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10. М., 1983. С. 221). Но нетрудно заметить, что в данных случаях слово «нарочитые», вероятно, употреблялось и в другом указанном в этом же словаре значении «известный, знаменитый» (там же). Более того, это представляется нам наиболее вероятным. В процитированном составителями словаря отрывке Сказания о Борисе и Глебе слово

образом, можно согласиться с М. Б. Свердловым, что летописные упоминания мужей нарочитых в качестве местной знати X – начала XI в. относятся «к древнейшему по времени пласту записей ПВЛ» и в них отражена «древнейшая

«нарочитые» не синоним «большим» – городской элите (там же). И даже если считать, что оба термина в данном случае относятся к одним и тем же знатым лицам, прилагательное «нарочитые» не служит характеристикой знатности. Московский летописец упоминает имена павших в Куликовской битве князей, нарочитых бояр и воевод (там же), явно отдавая дань типичному для русских средневековых источников порядку перечисления участников военных походов – князья, бояре и воеводы. В этой связи ему незачем было бы выделять только знатнейших бояр, если бояре и так упоминались перед воеводами. Но если князья, как и воеводы, обычно руководили войсками, то бояре не всегда (например, боярин И. В. Ощера с окольничим Г. А. Мамоном во время стояния на Угре были великокняжескими советниками). Скорее всего, поименно упоминались те бояре, которые больше всего отличились в Куликовской битве. Интересно, что летописец отмечает, что прочих бояр, а также слуг он не упоминает (там же), не упомянув при этом детей боярских, несомненно, бывших в числе погибших. Термин «дети боярские» был известен при Дмитрии Донском в качестве обозначения великокняжеских служилых людей (Несин М. А. Дети боярские в Новгороде XIV–XV вв. по материалам новгородского летописания // Valla. Т. 2. № 4-5. 2016). Но московский хронист в данном случае явно сознательно уравнивал не отличившихся в битве бояр со слугами, которых не упоминали в качестве полноценных воинов. В документе XVII в. люди нарочитые перед детьми боярскими упоминаются в числе отпущенных на Русь пленников (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10. С. 221). Но дети боярские в то время являлись городской элитой. Следовательно, термин «нарочитые», скорее всего, означал именно известных людей (ср: там же). Наконец, в данном словаре в значении «знатный, именитый» упоминаются нарочитые вязни (*zacieyszych osob*) из переводного источника XVII в. (там же), что является явным недоразумением, так как этот оборот весьма точно переводится с польского языка как «достойных особ», что соответствует выделенному в словаре другому значению слова «нарочитый» – «достойный, почтенный» (там же). Таким образом, стоит признать, что после XI в. термин «нарочитый», по-видимому, не употреблялся для обозначения знати. Во-всяком случае, однозначных примеров употребления этого слова в таком значении в указанный период нет. И о регулярном его использовании в данном смысле говорить не приходится.

социальная лексика»¹⁶, и надо полагать, что термин «нарочитые мужи», употребленный в ПВЛ применительно к древлянской элите X в., был аутентичным, а не представлял собой позднюю модернизацию книжника XII в. В противном случае пришлось бы придумывать конспирологическую теорию о дружном замалчивании в источниках этого термина при упоминании древнерусской элиты после XI в., при частом употреблении его за X в. А это было бы ненамного лучше, чем «открытия» адептами Новой Хронологии появления В. Новгорода на современном месте в позднем Средневековье и создания первыми Романовыми имитации древнего новгородского культурного слоя.

Недавно П. В. Лукин призвал «распрощаться» с ««древнерусской категорией» нарочитых мужей» на том основании, что слово «нарочитые» иногда использовалось древнерусскими книжниками при упоминании евреев и преступников – нарочитых жидов и нарочитых разбойников¹⁷. Однако, как уже отмечалось, столь категоричный подход не представляется убедительным: в таком случае стоило бы «распрощаться» и со «старейшими» из новгородских актов: ведь на Руси это слово употребляли не только для обозначения новгородской элиты, но и по отношению к главным городам – городам «старейшим», старшему – «старейшему» брату и др. К тому же «нарочитые люди» фигурируют не только в нарративных источниках, но и в

Церковном уставе Ярослава Мудрого¹⁸. По мнению некоторых исследователей, терминология этого памятника заимствована из Болгарии¹⁹. Вместе с тем, если бы подобной социальной страты на Руси не существовало, ее бы не включили в древнерусское законодательство, строго регламентирующее суммы штрафов за определенные преступления применительно к общерусским реалиям²⁰. Да и безоговорочное использование П. В. Лукиным сведений Рязанской кормчей 1284 г. для интерпретации нарочитых мужей «Владимирова времени» представляется не вполне правомерным. Тем более, что как было нами отмечено выше, после XI в. данный термин уже, по видимому, не использовался для обозначения знати, а употреблялся в иных значениях. К тому же концепция П. В. Лукина представляется несколько противоречивой, или, во всяком случае, недосказанной, поскольку в других работах исследователь признает, что «чаще всего «нарочитыми мужами/людьми» называли представителей социальной элиты», хотя почему-то считает, что этот термин не имел «четких социальных... коннотаций»²¹. Нужно отметить, что столь критическая концепция Лукина, как и точка зрения В. Г. Лушина, не основана на комплексном анализе упоминаний изучаемого термина.

Более взвешенной нам представляется позиция П. С.

¹⁶Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... С. 90.

¹⁷Лукин П. В. «Но преблагии Богъ не хотя смерти грѣшникомъ...»: начальное летописание об эпохе Владимира Святого и литературные параллели летописным рассказам // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура: материалы Международной научной конференции в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба, Москва, 14–16 октября 2015 г. М. –Вологда, 2017. С. 292.

¹⁸Губарев О. Л. К дискуссии о племенных союзах и политогенезе восточных славян до Рюрика // Novogardia. № 2 (6). 2020. С. 22.

¹⁹Юшков С. В. Общественный строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 214.

²⁰Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 209; Несин М. А. Новгородские житеи люди в XV в. и их участие в войнах и внешней политике Великого Новгорода в XV в. Часть 1. От рубежа XIV–XV вв. до второй половины 1471 г. // История военного дела: исследования и источники. Т. VIII. 2016. С. 253; Губарев О. Л. К дискуссии о племенных союзах... С. 22.

²¹Лукин П. В. 1) Новгородское вече. С. 97; 2) Новгородское вече. 2-е издание, переработанное и дополненное. М., 2018. С. 114.

Стефановича²², не исключаящего возможность, что данный термин в какой-то мере являлся литературным, но, тем не менее полагающего, что он не был бессодержательным и иногда обозначал элиту.

Под 6453 (945 г.) в ПВЛ упоминаются древлянские нарочитые, лучшие мужи. Поскольку убийство Игоря произошло осенью 945 г.²³, а первое

²²Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины... С. 103.

²³Обоснование датировки см: Карпов А. Ю. Княгиня Ольга. М., 2009. С. 82. Ученый почему-то утверждает, что это могло произойти и зимой 945/46 гг., не приводя никаких доказательств (там же). Между тем, согласно ПВЛ Игорь замыслил поход в Древлянскую землю за данью в начале осени и летопись не сообщает ни о каких многодневных задержках киевского князя в земле древлян. По мнению А. В. Назаренко, князь Игорь погиб не ранее Пасхи 946 г. Исследователь опирался на византийский формуляр, в котором упомянуты византийские императоры Константин и Роман и некий архонт росов. Назаренко отождествил императоров с Константином VII и Романом II (который, по его заключению, был коронован весной 946 г.), а безымянного архонта росов – с киевским князем Игорем (Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 261–263). На выводы А. В. Назаренко иногда до сих пор ссылаются как на твердо установленный факт (Стефанович П. С. Древлянская дань киевским князьям // По любви, въ правдѣ, безо всякия хитрости. Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина. Сборник статей. М., 2014. С. 26; Лушин В. Г. 1) Подвеска из Пскова, «христианские» псевдодирхамы и летописная хронология // Нумизматика Старого Света. Кн. I. Зимовники, 2016. С. 52; 2) 6411 (903) и 6453 (945) годы в структуре летописных датировок событий X века // Преистория. Древность. Средневековье. Исследования по истории, археологии, культуре. Сборник научных статей. Кн. I. Зимовники, 2017. С. 128). Вместе с тем еще А. Ю. Карпов последовательно опроверг аргументы А. В. Назаренко (Карпов А. Ю. Княгиня Ольга. С. 296. Примеч. 3). Во-первых, исследователь показал, что коронация Романа II состоялась весной 945 г. При этом ученый отметил дискуссионность вопроса о том, какой именно император Роман упомянут в формуляре, сославшись на работу Г. Г. Литаврина, в которой сделаны выводы, что это был Роман I. Во-вторых, Карпов заметил, что даже если формуляр был составлен «после смерти Игоря», он мог быть адресован сыну Игоря, Святославу, который также являлся князем. Согласно справедливому

посольство древлянских лучших мужей приплыло в Киев на ладье, то эти события следует отнести к осени, до наступления ледостава²⁴. Видимо, в пределах 945 г. в Киев прибыло второе посольство древлянских нарочитых мужей – лучших мужей, управлявших Древлянской землей – летописец не сообщает о том, что Ольга послала за ним много времени спустя после убийства первого посольства и что те мужи долго собрались.

Согласно источнику, во время убийства киевского князя Игоря

заключению исследователя, «в любом случае приходится констатировать, что данные формулярика не могут быть использованы для передатировки традиционной датировки гибели Игоря» (там же). Иногда высказываются мнения, будто Игорь предположительно был жив и во время составления трактата Константина VII «Об управлении империей», в котором Игорь якобы «выступает действующим князем» (Лушин В. Г. 1) Подвеска из Пскова... С. 52; 2) 6411 (903) и 6453 (945) годы... С. 128). В действительности в трактате Святослав фигурирует в качестве сына «Ингора» (Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. С. 5), из чего никак не следует, что его отец к тому времени был жив. Таким образом, Игорь указан в нем если не «в прошедшем времени» (Карпов А. Ю. Княгиня Ольга. С. 297. Примеч. 3), то, по крайней мере, не значится в качестве однозначно действующего правителя. Ныне А. С. Щавелев почему-то решил, что поскольку в данном трактате не упоминается смерть Игоря, то он непременно был жив в начале 950-х гг. (Щавелев А. С. Хронотоп державы Рюриковичей (911–987 годы). М., 2020. С. 354–355). С этим доводом сложно согласиться: следуя подобной логике, нужно было бы упоминание кагана Русской земли, Владимира – внука Игоря Старого – в «Слове о законе и благодати» митрополита Иллариона XI ст. трактовать в том смысле, что Игорь дожил до XI в. Ведь в этом источнике тот, как и в трактате Константина Багрянородного, тоже не назван покойным. И, разумеется, на основании упоминания Ярослава, деда Владимира Мономаха, в «Поучении» Владимира Мономаха, тоже было бы надо заключить, что Ярослав Мудрый дожил до написания «Поучения». Таким образом, попытки опровергнуть летописную датировку смерти Игоря и отнести кончину князя к более позднему времени нам не представляются убедительными.

²⁴А. Ю. Карпов также отметил, что древляне на ладье могли приплыть только в теплый сезон, но почему-то относит это событие уже к весне (Карпов А. Ю. Княгиня Ольга. С. 87), хотя ПВЛ не упоминает ни о какой полугодовой задержке.

древлянами около древлянского города Искоростяня, «Вольга же бяше в Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтьскомъ Святославомъ, и кормилецъ его Асмудъ, и воевода бѣ Свѣнделдъ, – то же отецъ Мистишинъ. Рѣкоша же древляне: «Се князя убихомъ русаго, поимемъ жену его Вольгу за князь свой Маль и Святослава, и створимъ ему, якоже хоцемъ». И послаша деревляне лучшии мужи, числомъ 20, в лодыи къ Ользѣ. Присташа подъ Боричевымъ въ лодыи. Бѣ бо тогда вода текущи въздолъ горы Киевския, и на Подольи не сѣдяху людье, но на горѣ. Градъ же бе Киевъ, идеже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ князь бяше в городѣ, идеже есть нынѣ дворъ Воротиславль и Чюдинъ, а перевѣсище бѣ внѣ града. И бѣ внѣ града дворъ другой, идеже есть дворъ деместиковъ за святою Богородицею; надъ горою дворъ теремный; бѣ бо ту теремъ камень. И повѣдаша Ользѣ, яко деревляне придоша, и възва я Ольга къ собѣ и рече имъ: «Добри гостье придоша» И рекоша деревляне: «Придохомъ, княгине». И рече имъ Ольга: «Да глаголите, что ради приидосте сѣмо?» Рѣша же древляни: «Посла ны Дервьска земля, рѣкуще сице: мужа твоего убихомъ, бяше бо мужъ твой аки волкъ, восхищяя и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Дервьску землю, да поиди за князь нашъ за Маль»; бѣ бо имя ему Маль, князю дервьску. Рече же имъ Олга: «Люба ми есть рѣчь ваша, уже мнѣ мужа своего не крѣсити, но хочу вы почтити наутрия предъ людьми своими, а нынѣ идѣте в лодью свою, и ляжите въ лодыи величающесе, и азъ утро посшо по вы, вы же рыцѣте: «Не едемъ на конѣхъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны в лодѣ; и възнесутъ вы в лодыи»; и отпусти я в лодью. Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубокоу на дворѣ теремѣмъ внѣ града. И заутра Вольга, сѣдючи в теремѣ, посла по гости, и придоша к нимъ, глаголюще: «Зоветь вы Ольга на честь велику». Они же рекоша: «Не едемъ на конихъ, ни на возѣхъ, ни пеши идемъ, понесѣте ны в лодыи». Реша же кияне: «Намъ неволя; князь нашъ убиенъ, а

княгини наша хочет за вашъ князь», и понесоша я в лодыи. Они же сѣдяху в перегѣбѣхъ въ великихъ сустугахъ горящесе. И принесоша я на дворъ къ Ользѣ, и, несѣше, вринуша е въ яму и с лодьею. Приникъши Ольга и рече имъ: «Добра ли вы честь?». Они же рѣкоша: «Пуще ны Игоревы смерти». И повелѣ засыпати я живы, и посыпаша я.

И пославши Ольга къ деревлянномъ, рече имъ: «Да аще мя просите право, то пришлите мужа нарочиты, да в велицѣ чти приду за вашъ князь, еда не пустять мене людье киевстии». Се слышавше деревляне избраша лучшии мужи, иже дерьжаху Дервьску землю, и послаша по ню»²⁵.

(Аналогичная запись фигурирует в Новгородской I летописи младшего извода (далее – НЛ мл.)²⁶, в которой, по мнению ряда исследователей, сохранился текст предшествующего ПВЛ гипотетического киевского Начального свода конца XI в. Некоторые сторонники концепции Начального свода конца XI в. безоговорочно ссылаются на данную статью НЛ мл. как на первоисточник²⁷. Однако, к примеру, М. Б. Свердлов, также разделяющий концепцию существования Начального свода, в данном случае опирается на ПВЛ²⁸.

Стоит учесть, что в НЛ мл. встречаются менее удачные чтения по сравнению с ПВЛ, которые отмечают и сторонники версии о сохранении в этом источнике текста Начального свода. К примеру, в монографии П. С. Стефановича показано, как правильно названный в ПВЛ киевский топоним Угорское превратился в разных списках НЛ либо в «Угорскими», либо в «подугорских гостей»²⁹. П. В. Лукин, публикуя текст сказания о варягах-мучениках, отметил, что «текст Л

²⁵ПВЛ. С. 27–28.

²⁶НЛ. С. 111.

²⁷См., напр: Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины... С. 223.

²⁸Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... С. 88–89.

²⁹Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины... С. 197–198.

приводится по варианту ПВЛ в составе Лавр, вопреки, казалось бы, предшествовавшего ПВЛ «Начального свода». Однако в варианте Л в НПЛ мл. есть явно поздние чтения»³⁰.

Не является исключением интересующее нас известие НПЛ мл. Так, если, согласно ПВЛ, вне града находилось перевесище (место ловли птиц), то в НПЛ это слово превратилось в «первѣе сице» (раньше следовательно), а за городом оказался другой княжеский двор с каменным теремом³¹. Чтение НПЛ мл. является дефектным, потому что такое расположение другого двора никак не «сице» – не следует из летописного повествования. Известный киевский топоним Боричев новгородский книжник передал искаженно как Биричев³² (наверное, в качестве производного от хорошо известной в Новгороде должности бирича); наконец, согласно НПЛ мл., древлянские лучшие мужи сказали, что добрые древлянские князья не «распасли» (устроили)³³ а «расплодили» Древлянскую землю³⁴. Стоит учесть, что слово «расплодить» на Руси даже в фигуральном смысле иногда явно связывалось с урожаем, плодоношением³⁵. Это плохо сочетается с летописным противопоставлением деятельности древлянских князей убитому киевскому князю Игорю, которого за его склонность к расхищению и грабежам древлянские лучшие мужи сравнили с волком – волки не интересуются урожаем. Вдобавок это слово плохо вписывается в контекст рокового для Игоря конфликта с древлянами из-за сбора дани, поскольку древляне платили дань мехами черной куницы, а не сельскохозяйственной продукцией. И даже если понимать

«расплодили» строго в значении причастности древлянских князей к преумножению численности населения Древлянской земли³⁶, это все равно плохо подходит для антитезы деятельности Игоря, которого не обвиняли в геноциде древлянского населения³⁷. Более удачным является чтение ПВЛ, согласно которому древлянские послы – лучшие мужи противопоставили покойному киевскому князю Игорю, волку-расхитителю и грабителю, своих добрых древлянских князей, распасших, устроивших землю³⁸. В остальном текст известия НПЛ мл. практически не отличается от ПВЛ и не обнаруживает по сравнению с ним каких-то архаичных черт, дающих основания сделать однозначный вывод о том, что новгородский хронист пользовался каким-то уникальным, более ранним, чем ПВЛ, киевским источником. Таким образом, мы предпочитаем использовать более грамотный текст ПВЛ, чем аналогичный, но более неряшливый текст НПЛ мл., содержащий неудачные чтения).

По-видимому, термин «нарочитые мужи» в данном случае однозначно стоит толковать как обозначение древлянской неслужилой знати. В историографии уже отмечалось, что древлянских нарочитых мужей трудно отнести к дружине князя Мала, их посылали именно древляне, а не

³⁶См. упоминание в недатированной части ПВЛ расплодившейся Земли после Всемирного потопа от Ноя, его сыновей и жены (там же. С. 28). Это, по-видимому, нельзя в полной мере понимать буквально: у Ноя и его жены после потопа не рождались дети, а потомки были у трех их сыновей, родившихся до потопа.

³⁷В этой связи трудно признать продуктивной интересную гипотезу А. В. Скобелева, использовавшего чтение НПЛ о добрых древлянских князьях, расплодивших Древлянскую землю, в качестве возможного свидетельства о княжеском происхождении нарочитых мужей (Скобелев А. В. «Люди» в системе социальных связей восточнославянского общества VI - первой трети XIII в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ижевск, 2010. С. 100). Тем более, что и в НПЛ деятельность древлянских князей никак не связывается с нарочитыми мужами.

³⁸ПВЛ. С. 27.

³⁰Лукин П. В. Сказание о варягах-мучениках в начальном летописании и Прологе: текстологический аспект // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 4 (38). 2009. С. 74–75.

³¹НПЛ. С. 111.

³²Там же.

³³См. напр: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. М., 1997. С. 21.

³⁴НПЛ. С. 111.

³⁵Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. С. 27–28.

князь со своими людьми³⁹. Навряд ли это можно считать случайностью. Выше летописец ясно отмечает, что убить Игоря древляне решили совместно со своим князем Малом⁴⁰, таким образом, хронист четко отделял решения древлян, принятые совместно со своим князем, от самостоятельных действий древлян.

При этом нетрудно заметить, что в выше процитированном известии ПВЛ «нарочитые» мужи отождествляются с «лучшими мужами»: расправившись с членами первого древлянского посольства, киевская княгиня Ольга попросила древлян прислать нарочитых мужей, и древляне отправили лучших мужей, которые держали Древлянскую землю⁴¹. (В этой связи, по мнению большинства историков, нарочитые мужи и лучшие были полностью взаимозаменяемыми терминами⁴², а, по мнению В. В. Пузанова

и А. В. Скобелева, нарочитые представляли собой лишь высшую категорию лучших⁴³. Первая версия

А. С. «Племена» восточных славян: этапы завоевания и степень зависимости от державы Рюриковичей в X в. // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура. С. 42.

⁴³Пузанов В. В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007. С. 568; Скобелев А. В. «Люди» в системе социальных связей... С. 99. Разделял нарочитых и лучших и Г. В. Абрамович (Абрамович Г. В. К вопросу о критериях раннего феодализма на Руси и стадильности его перехода в развитой феодализм // ИСССР. № 2. 1981. С. 66-67). Однако стоит заметить, что Г. В. Абрамович опирался на чтения поздней Воскресенской летописи (которые почему-то связывал с «Нестором»), а также сделал совершенно безосновательный вывод, что лучшие мужи, говоря о достижениях своих князей, сами, в отличие от нарочитых мужей, державших Древлянскую землю, политической властью не обладали. Между тем, во-первых, смысл данной речи заключался в том, чтобы своих князей, распавших, устроивших Древлянскую землю, противопоставить не себе, а киевскому князю Игорю, сравненному с волком-расхитителем. При этом использованное Абрамовичем чтение Воскресенской летописи, согласно которому князь не распали, а разделили землю (там же. С. 66), является в данном контексте неудачным: если устройство земли явно противостоит по смыслу расхищению, то раздел земли не является а priori лучшим для страны, чем разворовывание, поскольку также может способствовать ее ослаблению. Во-вторых, Г. В. Абрамович некритически сослался на чтение Воскресенской летописи, согласно которому во второе посольство к киевской княгине древляне «избраша нарочитыхъ мужъ 50, иже дръжаху Деревьскую землю» (ПСРЛ. Т. 7. СПб., 1856. С. 284). Между тем, согласно выше процитированному известию ПВЛ, в ответ на просьбу княгини Ольги отправить к ней нарочитых мужей, древляне «избраша лучшие мужи, иже деръжаху Деревьску землю». Таким образом, лучшие мужи отождествляются с нарочитыми и связаны с управлением Древлянской землей. При этом, число этих мужчин в ПВЛ не указано. Скорее всего, сведения Воскресенской летописи о 50 мужах являются домыслом позднего московского хрониста, дававшего понять, что вторая месть Ольги была еще страшнее первой, в результате которой погибли 20 знатных древлянских мужчин. Таким образом, мнение Г. В. Абрамовича основано на некритическом использовании чтений поздней Воскресенской летописи и неверном понимании текста данного источника.

³⁹Лукин П. В. «Старцы» или «старшие»... С. 28. примеч. 20; Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины... С. 205.

⁴⁰ПВЛ. С. 27.

⁴¹Там же. Согласно чтению Комиссионного списка НЛ, в ответ на просьбу Ольги прислать нарочитых мужей, древляне избрали лучших мужей нарочитых (НЛ. С. 112). Такой оборот – лучших мужей нарочитых – не характерен для древнерусских источников. Стоит учесть, что младший извод НЛ был составлен уже в то время, когда термины «лучшие» и «нарочитые» по-видимому не употреблялись в значении знатных людей. Потому вероятно были восприняты новгородским книжником не как взаимозаменяемые обозначения знати, а в качестве разнообразных взаимодополняющих качественных характеристик древлянских послов. Впрочем, не исключено, что мы имеем дело с простой опиской новгородского книжника, по ошибке продублировавшего слово «нарочитых». (Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины... С. 223. Примеч. 199).

⁴²Свердлов М. Б. 1) Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 41; 2) Домонгольская Русь... С. 90; Карпов А. Ю. Княгиня Ольга. С. 93; Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины... С. 223; Толочко П. П. Ранняя Русь: археология и история. СПб., 2013. С. 81; Лукин П. В. Новгородское вече. С. 54; Несин М. А. Некоторые черты социальной трансформации в X–XI вв. в восточнославянском обществе в летописной социальной терминологии // Исторический формат. № 2. 2015. С. 108; Щавелев

представляется более убедительной – для древнерусских летописей не было характерно давать развернутые объяснения социальной терминологии. И в данном случае летописец скорее не стремился пояснить, какие именно лучшие мужи считались нарочитыми, а просто отметил, что в ответ на просьбу киевской княгини прислать ей новое посольство из нарочитых мужей древляне отобрали лучших из лучших – тех лучших мужей, которые были связаны с управлением Древлянской землей. А круг нарочитых мужей, таких образом, был шире и включал в себя всех лучших мужей вообще. Но как бы то ни было, все авторы согласны в том, что в какой-то мере нарочитые мужи в ПВЛ отождествлялись с лучшими). Время возникновения этого летописного рассказа на данный момент точно не установлено⁴⁴, но он, несомненно,

⁴⁴И. Я. Фроянов полагал, что летописные рассказы об убийстве древлянами киевского князя Игоря и мести его вдовы Ольги не могли появиться раньше конца XI в., поскольку упоминания об Игоре как о волке – расхитителе будто бы перекликаются с преданием из Новгородской I летописи младшего о дружинниках, которым было мало получать по 200 гривен; этот сюжет Фроянов в рамках концепции А. А. Шахматова относил к Начальному летописному своду 1090-х гг. (Фроянов И. Я. О событиях 945-946 гг. в древлянской земле и Киеве (в свете этнографических данных) // Историческая этнография. СПб., 1993. С. 104). Однако, такое сравнение трудно признать достаточным для датировки летописного рассказа хотя бы потому, что предания о жадности независимо появлялись у разных народов в различных частях света в разные века.

С другой стороны, А. А. Гиппиус, проанализировав употребленные в ПВЛ разные формы аористов глагола «рещи», сделал вывод, что данная запись, а также некоторые иные, восходит к первой половине XI в. (Гиппиус А. А. Рекоша дружина Игореву: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics. Vol. 25. № 2. 2001). Некоторые историки безоговорочно принимают выводы А. А. Гиппиуса (см. напр: Лукин П. В. «Старцы» или «Старшие»... С. 28. Примеч. 20). Вместе с тем выводы Гиппиуса были серьезно оспорены О. Б. Страховой, пришедшей к выводу, что сосуществование старых и новых языковых форм (в частности, аориста от глагола «рещи») часто прослеживается через всю историю развития церковнославянского языка. А поскольку в Киевской Руси XI в. старые формы аористов от «рещи» употреблялись в богослужении, то

«история старых и новых форм аористов – это история их бесконечной вариативности» в памятниках письменности, обусловленной самыми разными факторами: временем и местом создания памятника, модой, влиянием престижного текста, сознательной архаизацией языка или его сознательной модернизацией, орнаментальными принципами, наконец», а распределение старых и новых языковых форм в памятниках летописания не может быть «детерминирующим хронологическим маркером, позволяющим установить время создания памятника». Сопоставив все списки ПВЛ, исследовательница показала, что аугментные имперфекты характерны только для Лаврентьевского списка и не отражают протографа, а старые формы аориста также в основном характерны для Лаврентьевской летописи (Страхова О. Б. Рекоша дружина Игореву... К статье А. А. Гиппиуса о лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Palaeoslavica. Vol. XVI. № 2. 2008). А. А. Гиппиус остался при своем мнении относительно истории ПВЛ, однако согласился с О. Б. Страховой, что сосуществование старых и новых форм аористов от глагола «рещи» сложилось до XI ст., и не у восточнославянских книжников (Гиппиус А. А. Рекоша дружина Игореву...-3. Ответ О. Б. Страховой (Еще раз о лингвистической стратификации Начальной летописи) // Palaeoslavica. Vol. XVII. № 2. 2009). Филолог Л. Ф. Килина согласилась с О. Б. Страховой «прежде всего в том, что на основании одной формы вряд ли возможно делать какие-то глобальные выводы» (Килина Л. Ф. Лингвотекстологическое исследование русских летописей: к постановке проблемы // Вестник Удмуртского университета. Вып. 2. 2010. С. 11). Того же мнения, по-видимому, придерживается историк В. Г. Вовина-Лебедева, цитирующая слова Килиной: ««в качестве минимальной единицы лингвотекстологического анализа» должна рассматриваться фраза, и что языковые изменения следует изучать «в пределах формул, которыми насыщены летописные тексты»» (Вовина-Лебедева В. Г. Угасший мир древнерусских летописей: взгляд сегодня // Российская история. № 4. 2019. С. 23). Другое дело, что по мнению Вовиной-Лебедевой, продолжение полемики с участием лингвистов может быть плодотворным для уточнения стратификации известий ПВЛ. Завершая обзор дискуссии между А. А. Гиппиусом и О. Б. Страховой, исследовательница резюмирует: «сложились две определенно сформулированные позиции по отношению к стратификации летописных текстов на основании данных языка. И мы, надеюсь, будем наблюдать продолжение полемики, в которой примут участие лингвисты» (там же). По заключению Л. Ф. Килиной, для изучения происхождения известий ПВЛ «необходим всесторонний комплексный анализ, при котором будут учтены особенности функционирования языковых единиц, а также

появился раньше составления ПВЛ: кроме упоминаний такого нехарактерного для XII в. термина для обозначения древлянской элиты, как «нарочитые мужи», в летописном повествовании о первом посольстве в Киеве древлянских нарочитых мужей фигурирует еще, по крайней мере, одна⁴⁵ деталь, которая могла

особенности структурно-смысловой организации текста, иначе исследование может получиться одноплановым и больше текстологическим, чем лингвистическим» (*Килина Л. Ф.* Лингвотекстологическое исследование русских летописей: к постановке проблемы. С. 11.)

М. Б. Свердлов и А. Ю. Карпов считают, что запись о первом посольстве древлян к Ольге была сделана в середине – второй половине XI в., связывая упоминания современных летописцу киевских Никофорова и Чудина дворов с именами киевлян Никифора и Николая Чудина, действовавших во второй половине XI ст. (*Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь... С. 87-88; *Карпов А. Ю.* Княгиня Ольга. С. 87-88, 298. Примеч. 16). Вместе с тем, имя «Никифор» в средневековой Руси не являлось столь уникальным, что не могло принадлежать в Киеве никому, кроме этого лица, и даже прозвище «Чудин», в основном характерное для Новгородской земли, в южной Руси носили разные люди. В конце XIII в. на Волыни известен воевода Чудин (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 933).

⁴⁵Кроме того, сведения ПВЛ о гибели Игоря и отношении к нему древлян некоторые исследователи считают вполне достоверными и надежными. Согласно ПВЛ, Игорь был убит древлянами и их князем Малом за то, что захотел собрать с древлян повышенную дань, а смерть Игоря была так же мучительна, как гибель первого древлянского посольства, и древляне относились к нему как к волку-расхитителю и грабителю (ПВЛ. С. 28-29). Сопоставление описания казни Игоря германцами у византийского историка X в. Льва Дьякона с упоминанием Ибн Фадланом аналогичного способа расправы над ворами у огузов, по мнению некоторых историков, свидетельствует о достоверности указанных летописных сведений (см., напр.: *Карпов А. Ю.* Княгиня Ольга. С. 86–87; *Стефанович П. С.* Древлянская дань киевским князьям. С. 60). С одной стороны, поскольку источники не дают никаких намеков на то, что князь Игорь в Киеве приобрел соответствующую долговечную славу (а тем более связанное с ней устойчивое прозвище), можно допустить, что эти летописные сведения были записаны при жизни ближайших потомков тех, кто лично помнил обстоятельства его гибели. Может быть, киевский летописец нарочно умолчал о способе расправы над местным князем, считая позорным прямо сообщать, что его казнили как

быть известной только ближайшим потомкам современников описываемых событий. Это указание на то, что во времена княжения Ольги вода в Киеве протекала мимо Горы. Между тем, согласно археологическим данным, с 913 по 972 г. Подол действительно был необитаем из-за высокого уровня стояния весенних паводков⁴⁶. По-видимому, это было зафиксировано при жизни детей очевидцев, менее ста лет спустя после возобновления жизни на Подоле – в устной традиции такие точные детали наводнений обычно не запоминаются в течение нескольких поколений. Внуки, а тем более правнуки свидетелей петроградского наводнения 1924 г. черпают информацию об ареале его распространения в городе уже не на основе семейной истории, а семейные предания обычно живописуют яркие картины без точной привязки к месту.

вора. С другой стороны, рассказ ПВЛ об убийстве Игоря древлянами не следует безоговорочно компилировать с известием греческого хрониста, приписавшего убийство этого князя совсем другому народу – германцам (встречающиеся в историографии попытки объяснить это стремлением Льва Дьякона подчеркнуть расположение Древлянской земли на западе Руси трудно признать убедительными – ни у Льва Дьякона, ни у других византийских авторов не встречается отождествления восточнославянских общностей, расположенных к западу, к северу, северо-востоку от Киева с иными западными, северными и восточными народами). А указанный Ибн Фадланом способ казни воров у огузов, живших к востоку от Волги, весьма далеко от древлян, а тем более от германцев, также не стоит экстраполировать на древлян. Таким образом, летописные сведения о гибели Игоря не являются надежно верифицируемыми. В этой связи стоит обратить внимание на точку зрения М. Б. Свердлова, усмотревшего в конфликте древлян с киевскими князем Игорем и попытке древлян женить своего князя Мала на его вдове Ольге не стремление древлянской верхушки избавиться от произвольных поборов со стороны Киева, «а, напротив, продолжить государственные связи посредством династического союза, но уже во главе с древлянским князем» (*Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь... С. 88).

⁴⁶*Гупало К. Н.* Подол в древнем Киеве. Киев, 1982. С. 20–28.

Согласно ПВЛ, в 6496 (988)⁴⁷ «И нача [Владимир] ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градом и селомъ. Пославъ, нача поимати у нарочитые чади дѣти, и даяти нача на ученье книжное. Матере же чадъ сих плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но акы по мертвечи плакахся»⁴⁸. (Аналогичное известие имеется в НЛ мл. Некоторые сторонники концепции А. А. Шахматова о сохранении в этом источнике текста, предшествовавшего ПВЛ Начального свода, безоговорочно ссылаются на сообщение НЛ мл. как на первоисточник⁴⁹. Однако, тот же М. Б. Свердлов, тоже разделяющий концепцию о существовании киевского Начального свода 1090-х гг., в данном случае ссылается на ПВЛ⁵⁰. Мы тоже предпочитаем опираться на ПВЛ: в соответствующей погодной записи НЛ мл. вместо более грамотных чтений ПВЛ «Матере же чадъ сих плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но акы по мертвечи плакахся»; «Володимеръ же просвѣщенъ самъ, и сынове его, и земля его. Бѣ бо у него сыновъ 12» читаются несколько неуклюжие фразы: «матери же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бѣ утвердилася вѣра⁵¹», «Володимеръ же

просвѣщенъ самъ и сыновѣ его с нимъ 12»⁵². Не исключено, что, несмотря на эти ошибки новгородского книжника, в остальном текст известия НЛ мл. полностью воспроизводит известие киевского начального свода XI в. Но вместе с тем с не меньшей вероятностью можно допустить, что новгородский переписчик не совсем верно копировал текст ПВЛ. По крайней мере, опираться на фактически идентичную ПВЛ, но местами более неудобочитаемую запись НЛ мл. – как на более древнюю по сравнению с ПВЛ – нам пока что представляется преждевременным).

М. Б. Свердлов полагает, что речь идет о знати⁵³. По мнению А. В. Скобелева, эта нарочитая чадь «еще не христианизована» и «скорее всего, проживала вне Киева и представляла собой знать покоренных общностей»⁵⁴. Однако, версия Скобелева основана на неверном понимании оборота «не бяху ся утвердили вѣрою», который обозначал «не утвердились в вере»⁵⁵ (а вовсе не «не обратились в веру»), а также на ошибочной трактовке источника – по процитированному выше летописному известию в вере не «утвердила» себя не нарочитая чадь, и не ее дети, а лишь ее жены, «матере» последних. По мнению П. С. Стефановича, в этот «раз» «сочетание «нарочитая чадь» использовано для обозначения более выдающихся среди всех «людей», признававших власть киевского князя, вне зависимости от их происхождения и местожительства»⁵⁶. Однако эта характеристика основана на выборочной цитате. Из приведенной нами более пространной выдержки из источника следует, что в семьях нарочитой чади у матерей распоряжение князя Владимира вызвало горе, а сами эти женщины,

⁴⁷Вопрос о датировке упоминаемого в данной погодной записи крещения Руси и, соответственно, связанных с ним событий является спорным. Историю вопроса см: *Свердлов М. Б. Домонгольская Русь...* С. 274; *Карпов А. В. Язычество, христианство, двоеверие. Религиозная жизнь Древней Руси в IX–XI вв.* СПб., 2008. С. 69. Пока что мы условно будем придерживаться классической, летописной датировки.

⁴⁸ПВЛ. С. 53.

⁴⁹См., напр: *Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины...* С. 223.

⁵⁰*Свердлов М. Б. Домонгольская Русь...* С. 90.

⁵¹Лишь в отдельных поздних списках НЛ, Толстовском и Берлинском, значится «еще бо не бяху утвердилися вѣрою» (НЛ. С. 157; Новгородская I летопись. Берлинский список. СПб., 2010. С. 159). Но это являлось результатом исправления составителя Толстовского списка, заметившего неудачное чтение в протографе. При том не трудно заметить, что чтение Берлинского списка идентично Толстовскому. Таким образом, переписчик, трудившийся в 30-х гг. XVIII в., воспроизвел текст Толстовского списка 1720-х гг.

⁵²Ср: ПВЛ. С. 53–54; НЛ. С. 157, 159.

⁵³*Свердлов М. Б. Домонгольская Русь...* С. 90.

⁵⁴*Скобелев А. В. «Люди» в системе социальных связей...* С. 102–103.

⁵⁵ПВЛ. С. 190. (Перевод Д. С. Лихачева); Библиотека литературы Древней Руси (далее – БЛДР). Т. 1. СПб., 1997. С. 163. (Перевод О. В. Творогова).

⁵⁶*Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины...* С. 223.

согласно оценке, «еще бо не бяху ся утвердили [принятой князем Православной] вѣроу»⁵⁷. И хотя источник не сообщает, что представители нарочитой чади ослушались князя, в летописи они не изображаются в качестве наиболее лояльных ему людей⁵⁸. Поэтому более близкой к истине представляется точка зрения М. Б. Свердлова, согласно которой речь идет о знати. Можно согласиться с П. С. Стефановичем, что нарочитая чадь прямо не привязана к городу. Вместе с тем, стоит учесть, что об отправке детей нарочитой чади учиться сообщается в контексте поставления попов по городам. Наверяд ли получение образования требовалось для принятия крещения в городах и селах. В противном случае пришлось бы отправлять учиться представителей более широких слоев. А для пополнения штата городских священников были нужны образованные люди, умеющие читать церковные книги. Поэтому «нарочитой чади» не стоит приписывать не свойственное русским источникам значение богатых крестьян. По-видимому, речь идет о представителях городской знати, чьих детей отправляли «на учение книжное» для работы городскими священниками. Такая перспектива для своих детей, возможно,

казалась знатым женщинам незавидной, так как они могли им вместо этого в соответствии с их благородным происхождением прочесть управленческую деятельность («держать» «землю», наподобие древлянских нарочитых, лучших мужей 940-х гг.)

Под 6504 (996) г. ПВЛ сообщает об устроенном киевским князем Владимиром Святославичем празднике для своих людей в день Успения Богородицы (15 августа). Пир князя со своими людьми длился целую неделю в гриднице на княжеском дворе, и в числе участников празднества были мужи нарочитые.

«Празновавъ князь дний 8, и възвращашеться Кыеву на Успенье святыя Богородица, и ту паки сотворяше праздникъ великъ, сзывая бесчисленное множество народа... Се же паки творяше людем своимъ: по вся недѣля устави на дворѣ въ гридницѣ пиръ творити и приходити боляромъ, и гридем, и съцскимъ, и десяцьким, и нарочитымъ мужем, при князи и безъ князя. Бываше множество от мясъ, от скота и от звѣрины, бяше по изобилью от всего. Егда же подъпяхуться, и начяхуть роптати на князь, глаголюще: «Зло есть нашим головамъ: да намъ ясти деревянными лъжицами, а не серебряными». Се слышавъ, Володимеръ повелѣ исковати лжицѣ сребрены ясти дружинѣ, рекъ сице, яко «Сребромъ и златом не имам налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, яко дѣдъ мой и отецъ мой доискася дружиною злата и сребра». Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и с ними думая о строи земленѣм, и о ратѣхъ, и о уставѣ земленѣмъ, и бѣ живя съ князи околными миромъ: съ Болеславомъ Лядьскимъ, и съ Стефаномъ Угорьскимъ и съ Андрихомъ Чешьскимъ. И бѣ миръ межю ими и любви»⁵⁹.

(Аналогичное чтение имеется в НЛ мл⁶⁰, в которой, по мнению многих исследователей, сохранился текст киевского Начального свода конца XI ст.

⁵⁷ПВЛ. С. 53.

⁵⁸В публикуемой в данном выпуске статье П. И. Гайденок высказано предположение, что слово «чадь» обозначало княжеских слуг. Но однозначных случаев употребления данного термина в подобном значении в древнерусских источниках нет. «Чадь» (производное от «чадо» – ребенок) изредка обозначала детей, но обычно фигурировала в значении «люди», иногда – «народ»; «чадска» смерть – людская смерть. (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Том третий. Р- Я. СПб., 1910. Стб. 1469-1470). Следовательно, «нарочитая чадь» - знатные люди. Кроме того, И. И. Срезневский считал, что слово «чадь» имело дополнительное значение «дружина», поскольку иногда оно упоминалось по отношению к дружине (там же. Стб. 1470). Впрочем, не исключено, что и в этих случаях оно обозначало «людей»: «Итларевы люди», etc. Ведь дружина – это тоже люди, равно как та же «нарочитая чадь», или «простая чадь».

⁵⁹ПВЛ. С. 56.

⁶⁰НЛ. С. 167.

Вместе с тем в указанном чтении НИЛ невозможно выявить однозначных заимствований из отличного от ПВЛ и предшествующего ей источника, зато здесь присутствуют характерные примеры новгородского диалекта, не связанные с древним киевским летописанием (чоканье в словах «сочкымъ» и «десячьским»), а также в дефектной форме передано имя чешского короля Андриха (названного по ошибке новгородским хронистом Андрехлом)⁶¹. Поэтому мы предпочитаем цитировать более грамотный текст ПВЛ – М. Н.)⁶².

Если под боярами, названными первыми в числе людей князя, перед такими княжескими людьми, как гриди (младшие дружинники)⁶³, сотские и

⁶¹ Там же.

⁶² Интересно, что тот же П. С. Стефанович, цитируя текст данного известия по НИЛ мл., на этот раз дает также ссылки на ПВЛ по Лаврентьевскому и Ипатьевскому спискам (*Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины... С. 222*). В свете сказанного более верной нам представляется позиция М. Б. Свердлова, который в данном случае опирается именно на ПВЛ (*Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... С. 90, 265*).

⁶³ По мнению А. А. Горского термин «гриди» был взаимозаменяем с «детскими» и «отроками», ученый относит гридей к младшей дружине (*Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989. С. 50*). Пожалуй, в данной монографии А. А. Горского концепция разделения дружины на старшую и младшую получила наиболее развернутое обоснование (там же. С. 39–41.) П. С. Стефанович также склонен в значительной степени отождествлять гридей и отроков и не относит гридей к элитарным социальным группам (*Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины... С. 225, 355 и др.*) Вместе с тем, П. С. Стефанович вступает в полемику с А. А. Горским по поводу старшей и младшей дружин, полагая, что подобные характеристики дружины могли не иметь социального значения (там же. С. 237–247). Однако, во-первых, не все аргументы и выводы Стефановича являются бесспорными. Например, он полагает что понятие «лешая / лучшая дружина» Итлара не относилось к половецкому привилегированному служилому слою, хотя и признает, что половцы, участвовавшие в посольстве в Переяславль к Владимиру Мономаху, не были «случайными» людьми (там же. С. 242). Между тем, стоит учесть, что древнерусские хронисты титуловали половецких ханов как «князей» по аналогии с правителями Руси. А к титулатуре и социальной иерархии у половцев не проявляли принципиального интереса. К примеру, Итларь,

возглавлявший эту «дружину», в летописях никак не титулован, несмотря на то, что, несомненно, не являлся рядовым человеком. Не исключено, что по отношению к половецкой знати хронисты тоже употребляли привычные древнерусские термины, не очень заботясь о том, насколько точно это соответствует социальной структуре половецкого общества. (При этом, мы допускаем, что первичным является вариант «лешая дружина», отразившийся в списках ПВЛ т. н. Лаврентьевской группы. А употребленный в списках Ипатьевской группы оборот «лучшая дружина» - позднейшая модернизация. Стоит учесть, что эпитет «леший» на Руси около XIII в. практически вышел из употребления по отношению к людям. А слово «лучший» упоминался и позднее. Вероятно, позднесредневековые переписчики при составлении Ипатьевского и Хлебниковского списков, заменили устаревшее к тому времени слово «лешая» на «лучшая». Существование обоих вариантов в разных редакциях ПВЛ XII в. менее вероятно, так как в остальных случаях оба эти слова неизменно воспроизводились в разных списках ПВЛ без замены одного на другое). Ростовскую «старейшую дружину», которая согласно приведенным в Лаврентьевской летописи словам владимирского князя Всеволода Юрьевича, «привела» в Ростов князя Мстислава Ростиславича, П. С. Стефанович отождествляет с «ростовцами и боярами». По заключению исследователя, «если точно следовать [летописному] тексту, надо заключить, что к «старейшей дружине приравниваются... «ростовцы и боляре», «ясно, что выражение «старейшая дружина» очерчивает в данном случае круги более широкие, чем только бояре» (там же. С. 247). Однако, столь буквальный подход к летописным текстам не всегда оправдан. К примеру, вряд ли Стефанович стал бы точно следовать тексту НИЛ, что Александр Невский в 1242 г. единолично неожиданно взял Псков, в одиночку захватил пленных и самостоятельно пошел в Чудскую землю (НИЛ. С. 78). Или буквально понимать известие Летописи Авраамки, что 3 февраля 1456 г. из Взава в Русу выехали только новгородские бояре и служилый князь В. В. Шуйский со своим двором, при том, что ниже в источнике упоминаются получившие смертельные раны и травмы в сражении под Русой «молодые люди» (ПСРЛ. Т. 16. СПб., 1889. Стб. 195). Признавая права Мстислава Ростиславича на Ростовское княжение, Всеволод Юрьевич считал более приоритетной поддержку нового ростовского князя местной дружинной элитой. И при этом отнюдь не отождествлял с ней «ростовцев». Ниже владимирский князь отметил, что Мстислава Ростиславича «привели» в Ростов «Ростовцы» и «боляре», а его во Владимир – Бог и «Володимерци» (ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 380). Следовательно, Мстислав Ростиславич в отличие от Всеволода Юрьевича пользовался большей поддержкой бояр, таким образом, выражение

десятские, обычно понимают княжеских бояр, то нарочитых мужей считают представителями местной киевской знати⁶⁴. Нами было отмечено, что на этом

«старейшая дружина» было употреблено применительно к боярам. К тому же, в этом летописном рассказе понятие «дружина» в принципе не относилось к «ростовцам», ведь, к примеру, при упоминании воинства владимирского князя Всеволода Юрьевича «владимирци» и «дружина» неоднократно упоминались отдельно в качестве разных социальных категорий (там же. Стб. 380, 382). Так что в данном случае «старейшая дружина» – это служилая элита. Во-вторых, при этом ученый отмечал, что иногда понятия «лучшая дружина», «старейшая дружина» употреблялись по отношению к боярам и показал, что выражение «передняя дружина» означала элиту, а также в какой-то мере перекликалось с летописными «передними мужами», которые так же являлись знатными людьми (Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины... С. 242, 245–246). В этой связи разделение дружины на старшую и младшую тоже, скорее всего, имело социальный оттенок вроде известного разделения новгородцев на «старейших» и «меньших». Тем более, что возрастная терминология использовалась в качестве обозначения социальных категорий и в служилой среде. В качестве яркого примера можно привести термин «отроки», относившийся к низшей категории служилых людей. Поэтому пока что нам кажется более предпочтительным придерживаться традиционного разделения дружины на старшую и младшую.

⁶⁴См., напр.: Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... С. 90, 265; Скобелев А. В. «Люди» в системе социальных связей... С. 100–101; Несин М. А. Некоторые черты социальной трансформации в... С. 108–109. По мнению А. В. Скобелева, эти нарочитые мужи в отличие от бояр, не входили в «окружение князя», а представляли собой «полянский нобилитет», но в то же время представляли собой знать «княжеского происхождения»: «в некоторых списках» Лаврентьевской летописи вместо «мужей нарочитых» названы «князья нарочитые и люди нарочитые» (Скобелев А. В. «Люди» в системе социальных связей... С. 101–102). Однако, во-первых, такое чтение отмечено не «в списках» Лаврентьевской летописи, а в Радзивилловском и Московско-Академическом списках ПВЛ XV в. и достоверность этого чтения не доказана. Напротив, скорее всего, князья нарочитые были приписаны позднесредневековыми книжниками в соответствии с современными им реалиями, когда на службе у великого князя было немало представителей старых княжеских родов. Причем, князья нарочитые оказались указаны после бояр, что проще всего объяснить вставным характером их упоминания.

Во-вторых, князья нарочитые и люди нарочитые, то есть, нарочитые мужи, и в указанном Скобелевым чтении не отождествляются, так что предположение о происхождении нарочитых мужей от нарочитых князей представляется неудачным.

П. С. Стефанович высказал мнение, что сотские и десятские были представителями горожан (см. Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины... С. 483). Вместе с тем, в древнерусских источниках, за исключением Новгорода и Пскова, сотские иногда связаны с князьями, но никогда не выступают в качестве представителей горожан. Даже смоленский сотский Пантелей, в коем иногда видят городского представителя, с которым приходилось считаться князю, выступает в источнике вторым посланцем после «лучшего» княжеского попа Еремея, а киевские сотские в 1113 г. оказываются связаны с тысяцким (Кучкин В. А. Ранние свидетельства о сотнях и сотских // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1 (23). 2006. С. 10–11, 13). Киевские тысяцкие – как и все неновгородские тысяцкие – являлись княжескими людьми (Горский А. А. Русь от славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 101–104; Полуэктов Ю. А. Институт тысяцких и военная организация Древней Руси (XI–XIII вв.) // *Paqa-Bellum*. Вып. № 14. 2001. С. 1–4) и не демонстрировали связи с горожанами и их интересами (Толочко П. П. Власть в Древней Руси X–XIII вв. СПб., 2011. С. 110–130; Несин М. А. 1) Институт новгородских тысяцких в XII–XV вв. С. 144–146; 2) Тысяцкие как воеводы и часть городского самоуправления // *Город Средневековья и раннего Нового времени VI: Археология, история.* Тула, 2018. С. 73). Единственный известный случай выступления неновгородского тысяцкого на вече был связан с киевским тысяцким Лазарем, который в 1147 г. по просьбе князя Изяслава Мстиславича вместе с княжеским братом Владимиром и киевским митрополитом Климом собрал киевлян и объявил об измене Ольговичей, действуя не как представитель городского самоуправления, а как один из киевских сановников, выполняя распоряжение князя (Несин М. А. 1) Институт новгородских тысяцких в XII–XV вв. С. 144; 2) Тысяцкие как воеводы... С. 73). В. А. Кучкин, посвятивший специальную работу исследованию института киевских тысяцких, также не нашел других примеров взаимоотношений тысяцкого с вечем и сделал интересный вывод о наличии тенденции к закреплению этой должности за конкретным боярским родом. Но она не стала «нормой» из-за смены княжеских ветвей на Киевском столе (Кучкин В. А. Тысяцкие в Киевском княжестве в XI–XIII вв. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* № 3 (65). 2016). Опять же, если бы в интересующем нас известии ПВЛ о княжеском пире 996 г. к людям киевского князя относились бы только бояре и гриди, а большинство названных категорий не входило бы в их число, то едва ли

пиру не упоминаются старцы градские – городские должностные лица⁶⁵, с которыми князь неоднократно советовался, в то время как присутствие старцев градских, старейшин по всем градам отмечено на иных княжеских торжествах (на которых, в свою очередь, не фигурируют мужи нарочитые), и на этом основании было высказано предположение, что в данном случае старцы были в числе нарочитых, недружинных знатных людей, хотя на этот раз не составляли их всех поголовно⁶⁶. Последнее наблюдение также косвенно подтверждается тем обстоятельством, что в процитированном известии ПВЛ присутствующие на пиру мужи нарочитые если не прямо соотносятся с княжеской «дружиной», ради которой изготовили серебряные ложки и с которой князь любил советоваться о «о строи земленѣмь, и о ратѣхъ, и о уставѣ земленѣмь», то по крайней мере оказались с ней в одной компании, и летописцу это не казалось чем-то необычным. Это также сближает мужей нарочитых с городскими старцами, старейшинами, с которым данный князь неоднократно советовался и которых принимал на пирах наряду с другими знатными лицами.

По мнению А. А. Шахматова и В. А. Кучкина, летописный рассказ о пирах

хронист стал бы так обобщать участников пира как княжеских людей.

⁶⁵Термин «старцы», «старейшины» на Руси обозначал должностных лиц от князей до старейшины конюхов, соответственно, старцы старейшины градов – городские должностные лица (Несин М. А. 1) К истории происхождения Галича // Русин. № 3 (21). 2010. С. 67–68; 2) Некоторые черты социальной трансформации... С. 107–110). При этом термин «старцы» был общеславянским, фигурируя в хорошо известном П. В. Лукину арабском источнике, упоминающем старцев в качестве правителей западных славян, лютичей. Потому трудно согласиться с мнением П. В. Лукина и С. В. Завадской, что этот термин является книжным конструктом русских летописцев (Несин М. А. 1) К истории происхождения Галича. С. 68; 2) О двух новых монографиях, посвященных новгородским источникам // Valla. Т. 3. № 6. 2017. С. 105; Губарев О. Л. К дискуссии о племенных союзах... С. 22–23).

⁶⁶Несин М. А. Некоторые черты социальной трансформации... С. 108–109.

князя Владимира появился не позднее 30-х гг. XI в⁶⁷. Стоит учесть, что концепция А. А. Шахматова о существовании киевского Древнейшего свода 1039 г. давно признается исследователями несостоятельной, поскольку основана на недоразумении⁶⁸. Но, по крайней мере, упоминания в летописном рассказе десятских, после X в. сошедших со страниц древнерусских источников⁶⁹,

⁶⁷Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Летопись занятий археографической комиссии. Т. 20. СПб., 1908. С. 569; Кучкин В. А. 1) Десятские Средневековой Руси // Средневековая Русь. Вып. V. 2006. С. 251; 2) Ранние свидетельства о сотнях и сотских. С. 10; 3) Десятские и сотские Древней Руси // Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 328).

⁶⁸Каргер М. К. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Том 1. М.–Л., 1958. С. 21–22, Кузьмин А. Г. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969. С. 145; Зиборов В. К. История русского летописания XI–XVIII вв.: Учеб. пособ. СПб., 2002. С. 36. Поннэ А. В. А. А. Шахматов и спорные начала русского летописания // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (33). 2008. С. 79; Горovenko А. В. Алексей Шахматов: человек-метод или прелюбодей мысли? // Novogardia. № 2 (6). 2020. С. 115–116). Как отметил А. М. Молочников, исследователи ПВЛ М. Х. Алешковский и С. М. Михеев не использовали Древнейший киевский свод 1039 г. (Алешковский М. Х. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971; Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011; Горovenko А. В. Алексей Шахматов: человек-метод или прелюбодей мысли? С. 116).

⁶⁹В дальнейшем десятские надежно упоминаются в источниках начиная с XV в. в качестве мелких чиновников, связанных с княжеским земельным хозяйством. Но можно ли их – после столь длительного разрыва – уверенно соотносить с древней десятичной системой (Кучкин В. А. 1) Десятские Средневековой Руси; 2) Десятские и сотские Древней Руси), или исчезновение десятских, упомянутых в 996 г., стоит отнести к рубежу X–XI в.? Полагаем, что десятские X и XV вв. не имели между собой ничего общего, кроме названия. Скромные чиновники, известные из поздних источников, не имеют прямого отношения к десятским времен Владимира Святославича, входящих в круг его приближенных, с которыми он советовался об устройении своей земли и по вопросам войны и мира и ради которых приказал изготовить серебряные столовые приборы. И, по-видимому, появились в позднем

старцев градских / старейшин градов, исчезнувших впоследствии из южнорусских памятников и разве что эпизодически упомянутых в новгородском летописании XV в. под 6953 (1444/1445) г.⁷⁰, а также мужей нарочитых (фигурирующих в качестве знати в X–XI вв.) свидетельствует о том, что он возник не позднее XI в.

Под 6523 (1015/1016) г. в ПВЛ упомянуты новгородские мужи нарочитые, убитые князем Ярославом Владимировичем за то, что избili нанятых им варягов:

«Ярославу же не вѣдуцю отънѣ смерти, варязи бяху мнози у Ярослава и насилье творяху новгородцем и женамъ ихъ. Вставше новгородци, избиха варягы во дворѣ Поромони. И разгнѣвася Ярославъ, и шедъ на Рокомъ, сѣде въ дворѣ. Пославъ к новгородцемъ, рече: «Уже мнѣ сихъ не крѣсити». И позва к собѣ нарочитыѣ мужи, иже бяху иссѣкли варягы, и обльстивъ, исѣче. В ту же ночь приде ему вѣсть ис Киева от сестры его Передьславы си: «Отець ти умерлъ, а Святополкъ сѣдитъ ти Киевѣ, убивъ Бориса и на Глѣба посла, а блюдися [с]его⁷¹ повелику». Се слышавъ, печалень

средневековье в связи с развитием княжеского землевладения.

⁷⁰ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 441.

⁷¹Во всех списках ПВЛ, кроме Лаврентьевского, употреблено местоимение «сего» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 128; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 141. Примеч. 3). Такое чтение является более грамотным: ведь местоимение «его» относилось бы к Глебу, в то время как Ярославу, несомненно, надо было ждать опасности не от Глеба, а от Святополка. На данное неудачное чтение Лаврентьевского списка обратил внимание так же С. М. Михеев, который почему-то посчитал его характерным для ПВЛ, и, исходя из этой ошибочной предпосылки, сделал вывод, что информация о злодеяниях Святополка в послании Предславы являлась поздней вставкой: «если изъять» этот «фрагмент», «то фраза становится синтаксически более правильной» (Михеев С. М. Святополкъ сѣде в Киевѣ по отци»: Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках. М., 2009. С. 143). Однако, если принять чтение «сего», то слова «убивъ Бориса и на Глѣба посла» оказываются не лишними: именно «сего» - этого, согласно приведенному в ПВЛ донесению Предславы, стоит остерегаться Ярославу.

бысть о отци, и о братъи, и о дружинѣ. Заутра же собравъ избытокъ новгородецъ, Ярославъ рече: «О, люба моя дружина, юже вчера избихъ, а нынѣ быша надобе». Утерлъ слезъ, и рече имъ на вѣчи: «Отець мой умерлъ, а Святополкъ сѣдитъ Киевѣ, избивая братью свою». И рѣша новгородци: «Аще, княже, братья наша исѣчена суть, можемъ по тобѣ бороти»⁷².

Как видно из процитированного сообщения, убитые князем нарочитые мужи «иже бяху иссѣкли варягы», представляли собой часть новгородцев, которые «избиша варягы во дворѣ Поромони». Исследователи справедливо полагают, что речь идет о представителях городской знати, которые понесли ответственность за действия всего города⁷³. То, что их князь назвал своей

Очевидно, в Лаврентьевском списке оказалась пропущена буква «с», как «ть» в слове «сѣдитъ» и слова «а нынѣ быша надобе утерлъ слезъ, и рече имъ», имеющиеся в других списках ПВЛ. Выше С. М. Михеев при цитировании рассказа ПВЛ по Лаврентьевскому списку, вставлял в квадратных скобках пропущенные в последнем вышеуказанные буквы и слова, читающиеся в остальных списках (там же. С. 142). То же самое надо было сделать и в отмеченном нами случае.

⁷²ПВЛ. С. 62.

⁷³См., напр: *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь... С. 327. Согласно реконструкции А. В. Скобелева, скомпилировавшего сообщение ПВЛ об избитых нарочитых мужах с известием НЛ, что другие бежали из города, Ярослав, «вырезав зачинщиков, таким образом, взял под контроль ситуацию» (Скобелев А. В. «Люди» в системе социальных связей... С. 113–114). При этом остается неясным, кто именно по НЛ спасся бегством – «простые новгородцы» и / или другие славные воины, равные по социальному статусу упомянутым в ПВЛ нарочитым мужам. Сам автор справедливо отметил, что это известие НЛ можно понимать двояко (там же).

Альтернативную точку зрения о характере конфликта Ярослава с новгородцами высказывали С. В. Юшков и А. В. Петров. С. В. Юшков, ссылаясь на выводы А. Е. Преснякова, писал об участии в восстании против варягов исключительно нарочитых мужей (Юшков С. В. Русская правда. М., 1950. С. 281), однако в действительности если пройти по ссылке на указанные Юшковым страницы монографии А. Е. Преснякова, то легко заметить, что Пресняков не отрицал участие в восстании рядового новгородского «населения», а убитые Ярославом «нарочитые мужи», «славные

дружиной, по верному замечанию П. В. Лукина, не говорит об их принадлежности к княжеским людям ввиду полисемантической слова «дружина»⁷⁴.

Под собранным Ярославом на вече «избытком» новгородцев, назвавших

вои» стояли лишь «во главе» новгородцев. А. В. Петров преимущественно опирался на рассказ НЛ, но использовал сведения ПВЛ об избитых князем нарочитых мужах. По мнению А. В. Петрова, новгородская знать вовсе не возглавляла общегородское выступление, а корыстно боролась за сохранение зависимости Новгорода от Киева и потому перебила варяжских наемников. А когда князь перебил ее, то нанес не вред новгородцам, а действовал в интересах широкого новгородского народовластия территориальной общины, свергнув старую родовую знать (*Петров А. В.* От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб., 2003. С. 99–100). Однако, во-первых, по НЛ и по ПВЛ против варягов выступили «новгородцы» в целом, а не только знать, причем согласно ясным сведениям обоих источников, действовали они не в интересах сохранения зависимости города от Киева, а для того, чтобы пресечь бесчинства распоясавшихся варяжских наемников: ПВЛ сообщает, что варяги чинили насилие «новгородцемъ и женамъ ихъ» (ПВЛ. С. 62), НЛ – что начали «насилие деѣти» на «мужатых женахъ» (НЛ. С. 74). Не ясно, относилось ли это прежде всего к семьям простых новгородцев (ср: *Скобелев А. В.* «Люди» в системе социальных связей... С. 113–114), но версия об исключительно аристократическом характере выступления новгородцев против варягов не находит никакой опоры в источниках. Лишь когда Ярослав узнал, что на киевском княжении сел Святополк, он созвал «избытокъ» новгородцев и, прежде всего, высказал сожаление об избитой им вчера «любимой и честной дружине» (ПВЛ. С. 62; НЛ. С. 174), по версии ПВЛ, при этом всплакнув: ниже в источнике сообщается, что князь вытер слезы (ПВЛ. С. 62). И лишь затем, по ПВЛ поведал новгородцам о злодействе вокняжившегося в Киеве Святополка (ПВЛ. С. 62), а по НЛ, стал просить новгородцев поддержать его в походе на Киев (НЛ. С. 174). Навряд ли это было бы уместно в том случае, если бы Ярослав, избив новгородскую знать, поступил в интересах большинства новгородцев. Любопытно, что А. В. Петров сделал интересные наблюдения об отражении в новгородском летописном рассказе кенотипических представлений (*Петров А. В.* От язычества к Святой Руси... С. 100–101). Если признать, что князь не освободил город от пут родового строя, но обидел новгородцев, избив их нарочитых мужей, а потом слезно признал перед новгородцами свою ошибку, то любопытное наблюдение ученого находит опору в источнике.

⁷⁴Лукин П. В. Новгородское вече. С. 96.

убитых нарочитых мужей своей братией, иногда понимают как знатных людей, родственников убитых⁷⁵, а иногда – просто их «собратьев» – новгородцев⁷⁶. Обе трактовки являются вполне правомерными⁷⁷. С той поправкой, что даже если придерживаться первой точки зрения, речь, вероятно, шла не об узком социальном составе данного вечевого собрания, и даже не о ведущей роли на нем нарочитых людей – родственников убитых Ярославом, а о неприемлемости братоубийства: с вокняжившимся в Киеве Святополком, избивающим свою братию, согласились воевать новгородцы, у которых была зарублена братия⁷⁸.

⁷⁵Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... С. 328.

⁷⁶Лукин П. В. Новгородское вече. С. 96.

⁷⁷По наблюдению М. Б. Свердлова, «раннее в повествовании «братией» названы сводные братья Ярослава, убитые Святополком (*Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь... С. 328). В этом случае согласие новгородцев, потерявших своих родственников, воевать с новым киевским князем-братоубийцей приобретает большую значительность, чем если бы новгородцы вспомнили о своих собратях. С другой стороны, выше в ПВЛ упоминается находившаяся с Борисом «братия» созданных и одаренных Святополком киевлян, которых сам ученый считает не только их «близкими родственниками» (ПВЛ. С. 59–60; *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь... С. 321), то есть, собратями. А это не мешало оставшимся со Святополком киевлянам, несмотря на полученные от нового князя подарки, оставаться сердцем не с ним, а с ушедшими с Борисом собратями.

⁷⁸По утверждению П. В. Лукина, рассказ ПВЛ об обращении Ярослава к новгородцам «алогичен» по сравнению с повествованием НЛ, а в котором, в свою очередь «речи и поступки действующих лиц вполне обоснованы логичны: Ярослав объясняет новгородцам, что нуждается в их помощи в борьбе за власть в Киеве и, не исключено, намекает на возможность в благодарность за это «окупить златом» их погибших товарищей» (*Лукин П. В.* Новгородское вече. С. 95–96). Однако, с этими выводами трудно в полной мере согласиться. Во-первых, цитируя «ПВЛ», исследователь по умолчанию явно опирается на краткое чтение Лаврентьевского списка, согласно которому Ярослав обращался к избитой им вчера на вече «дружине» (там же. С. 95). Между тем, из приведенной им выше сравнительной таблицы списков ПВЛ видно, что в Лаврентьевской летописи пропущены слова, присутствующие во всех прочих списках: «а нынѣ быша надобе утерль слезъ и рече имъ» (там же. С. 85). В результате смысл речи Ярослава оказался искажен: вместо

обращения князя к собранному им на вече остатку новгородцев получается разговор с убитыми накануне на вече мертвецами (да и убийство нарочитых мужей на вече плохо согласуется с общим для всех списков ПВЛ известием о приглашении их князем на свой загородный двор – княжеский двор не был обычным местом вечевых собраний). И не стоит походя смешивать «ПВЛ» и дефектное чтение Лаврентьевского списка (ср.: там же. С. 95), которое нельзя признать характерным для ПВЛ и первичность которого невозможно доказать.

Во-вторых, рассказы ПВЛ и НЛ о разговоре Ярослава с новгородцами имеют несколько разный смысл. По ПВЛ Ярослав не призывал новгородцев помогать ему бороться за киевское княжение, а сообщил, что Святополк избивает своих братьев, и новгородцы сами вызвались бороться со Святополком, так как у них самих зарублены братья (родственники / или просто собратья). Таким образом, ПВЛ пишет о недопустимости братоубийства. И в этом смысле «речи и поступки действующих лиц» в рассказе ПВЛ «вполне обоснованы логичны». Другое дело, что рассказ ПВЛ о беседе Ярослава с новгородцами носит литературный нравоучительный характер. П. В. Лукин со ссылкой на монографию С. М. Михеева предположил, что «мотив преследования Святополком Бориса и Глеба» «вторичен для летописной традиции» и появился в ней «не ранее второй половины XI в.» (Там же. С. 95-96). Действительно, если учесть невнимание летописцев к перенесению мощей Бориса и Глеба при митрополите Иоанне (Михеев С. М. «Святополкъ съде в Киевѣ по отци»... С. 148), то вполне логично предположить, что тема братоубийства в интересующем нас известии ПВЛ стала актуальной для древнерусского летописания не ранее второй половины XI ст. Впрочем, отмеченное Лукиным отсутствие в новгородском летописном известии об обращении Ярослава к новгородцам «агиографического мотива» (Лукин П. В. Новгородское вече. С. 96) едва ли может служить исчерпывающим аргументом в пользу первичности и достоверности рассказа НЛ. Для новгородских летописных известий об участии новгородцев в княжеских усобицах в принципе не характерны ни «агиографический мотив», ни упоминание братоубийства и прочих серьезных грехов князей для обоснования оказания новгородцами поддержки их противникам.

По НЛ, Ярослав действительно просил новгородцам помочь ему «в борьбе за власть в Киеве» (там же), не сообщая при этом об избивении братьев. А новгородцы ответили, что пойдут с Ярославом (НЛ. С. 175). Однако, согласие новгородцев выглядит в данном контексте «обоснованным» лишь в том случае, если Ярослав действительно намекал «на возможность в благодарность за это «окупить златом» их

Исследователи не пришли к единому выводу, был ли рассказ ПВЛ об этих событиях первичным или, наоборот, вторичным, по отношению к известию НЛ мл. И, по-видимому, дискуссия на сей счет может быть продолжена⁷⁹. Вместе с тем

погибших товарищей» (ср.: Лукин П. В. Новгородское вече. С. 96). Отсутствие в рассказе НЛ четкого обоснования согласия новгородцев участвовать в походе на Киев не укрылось от внимания исследователей. В историографии неоднократно предпринимались попытки восполнить эту лауну логическими измышлениями, что то ли Ярослав «возможно» обещал со своей стороны новгородцам какие-то «гарантии» от «насильственных действий дружины» и «повторения репрессий» (Зимин А. А. Правда русская. М., 1999. С. 89), то ли новгородцы, стремясь к «автономии и освобождению от киевской дани», согласились, «несмотря на обиды, поддержать» Ярослава против Святополка (Андреев В. Ф. Северный страж Руси. Л., 1989. С. 29).

⁷⁹Наиболее развернуто вопрос рассмотрен в работах П. В. Лукина. Исследователь высказал весьма серьезные возражения против аргументов сторонников старшинства рассказа ПВЛ (см., напр.: Лукин П. В. Новгородское вече. С. 74-90). Однако, собственные замечания историка в пользу большей древности текста НЛ мл. по-видимому не закрывают вопрос. К примеру, исследователь обращает внимание на то, что в НЛ ночь упоминается трижды, а в ПВЛ – единожды: «в ту же ночь». Из этого историк почему-то делает вывод: «речь явно идет о какой-то ночи, уже известной читателю... Эта деталь, на наш взгляд, не может быть интерпретирована иначе, как свидетельство старшинства текста НЛ мл. и более поздней редакции ПВЛ» (там же. С. 90). Однако, в летописании есть ряд примеров, когда в погодной записи указано, что событие случилось в то же такое-то время года, которое выше не упоминалось. В этих случаях имелось в виду, что это произошло в ближайший такой-то сезон. Не исключено, что это касается и той же ночи в указанном рассказе ПВЛ. Далее П. В. Лукин обратил внимание на то, что в ПВЛ приведена менее правдоподобная оценка численности новгородского войска (там же. С. 90–91). При этом в той же книге Лукин отмечает, что в средневековых нарративных источниках иногда указывались совершенно неправдоподобные сведения о размере войск, и порой хронист даже сознательно применял «обманчивую точность», приводя завышенное, но при этом нарочито некруглое число (там же. С. 457–458). Могут ли в этой связи сведения ПВЛ однозначно рассматриваться с «рациональной» точки зрения как более поздние? К тому же киевскому хронисту, вероятно, было важнее показать, что идущее на

Киев и разбившее киевские силы новгородское войско было огромным. Новгородский хронист, в свою очередь, больше акцентировал внимание на военной хитрости новгородского войска, которое не только перебило пьяных противников, но и в качестве знака отличия повязало себе головы тканью, чтобы в сече отличать своих от врагов (НЛ. С. 175). Мнение П. В. Лукина, что упоминаемое новгородским книжником «вече на поле» является «исторически верной деталью» – описанием древнеславянского собрания на поле (Лукин П. В. Новгородское вече. С. 94-95), пока что является всего лишь гипотезой, поскольку историк сам отмечает упоминания в летописании внегородских вечевых собраний в более поздние времена (там же. С. 94). Судить по единичному раннему упоминанию вечера на поле о наличии у восточных славян устойчивой архаичной традиции загородных собраний представляется преждевременным. Вероятно, исследователь несколько упрощенно представляет себе характер архаичных славянских сходов. Выше П. В. Лукин утверждал, что в древнерусских источниках славянские «племенные» собрания не связаны с городами (там же. С. 54), что не соответствует действительности (Несин М. А. Первая монография о новгородском вече // Valla. Т. 2. № 3. 2016. С. 105). В настоящее время версию П. В. Лукина о недостоверности чтения ПВЛ «въ дворѣ Поромони», согласно которой киевский хронист ошибочно «принял топоним за антропоним» (Лукин П. В. Новгородское вече. С. 93), стоит признать устаревшей в связи с наблюдениями С. М. Михеева, согласно которым это был русский антропоним, означающий двор Парамона (Михеев С. М. Фарьмань и Поромонь дворь: Действительный и ложный скандинавизмы в новгородской ономастике // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М., 2019). То же, как уже отмечалось выше, касается концепции П. В. Лукина о старшинстве новгородского чтения «вои славны тысящу» (Лукин П. В. Новгородское вече. С. 96-100; ср: Несин М. А. Институт новгородских тысяцких в XII–XV вв. С. 39. Примеч. 107.). По-видимому, правы те исследователи, которые трактуют избитую Ярославом «вои сланы тысящу» как обозначение числа убитых (Несин М. А. Институт новгородских тысяцких в XII–XV вв. С. 38-39), наверное, нарочно преувеличенного новгородским хронистом (там же. С. 39). Можно добавить, что, поскольку НЛ мл. указывает более скромную, чем в ПВЛ, численность новгородского войска, новгородскому хронисту, скорее всего, было важно подчеркнуть, что Ярослав перебил перед этим много славных воинов, которые могли бы тоже пойти с ним в поход на Киев.

Стоит так же признать, что отстаивая старшинство и относительную непротиворечивость новгородского летописного рассказа, П. В. Лукин с

стоит отметить, что никем из сторонников старшинства рассказа НЛ мл. не было высказано утверждения о полном отсутствии в ПВЛ каких-либо ранних чтений, напротив, С. М. Михеев, реконструируя текст гипотетического Древнего сказания 1016–1017 г., интересующую нас погодную запись восстанавливал преимущественно по НЛ,

разной меркой подходит к противоречиям в текстах НЛ и ПВЛ. Так, тот факт, что в новгородском варианте речи Предславы не упоминается о вокняжении Святополка, а Ярослав утром уже знал, кто теперь княжит в Киеве, исследователь не считает принципиальным для датировки новгородского летописного повествования и склонен объяснять тем, что «послание Предлавы» в «исходном тексте могло быть передано очень кратко: из дальнейшего повествования и так как бы ясно, что в Киеве вокняжился Святополк», не подкрепляя это важное замечание никакими примерами из русского летописания (Лукин П. В. Новгородское вече. С. 83-84). Другое дело, что справедливости ради, надо признать, что подобные явления действительно имели место в летописях. К примеру, московский великокняжеский хронист не поясняет, каким образом, разбив первую новгородскую судовую рать в Коростыни в 1471 г., великокняжеские воеводы узнают о приближении второй судовой рати к Русе и своевременно возвращаются в Русу. Можно разве что догадаться, что московским воеводам об этом сообщили малодушные пленники из первой судовой рати, согласившиеся друг друга увечить. Поэтому для объяснения указанной недосказанности в рассказе НЛ мл. не обязательно предполагать наличие в летописном тексте неаккуратной вставки (ср: Михеев С. М. Святополкъ съде в Киевѣ по отци... С. 143), а предложенное П. В. Лукиным объяснение этой особенности новгородского летописного рассказа о Ярославе и новгородцах вполне правомерно. Вместе с тем, не более существенное противоречие ПВЛ, заключающееся в том, что после сообщения Предславы о свершившемся убийстве Бориса, Ярослав непонятным образом узнает об убийстве и Бориса и Глеба, Лукин однозначно считает необъяснимым «в рамках гипотезы о старшинстве варианта ПВЛ». А между тем, ниже он наглядно продемонстрировал, что молитва Ярослава, с упоминанием пролившейся праведной крови обоих братьев, является явной вставкой, «разрывает» «связное повествование», и имеет «очевидный «шов»» (Лукин П. В. Новгородское вече. С. 84, 91). То есть, отнюдь не представляет собой исконную часть отразившегося в ПВЛ летописного повествования о Ярославе и новгородцах и потому не имеет никакого отношения к решению проблемы «старшинства» или вторичности «варианта ПВЛ».

но использовал отдельные чтения ПВЛ по Лаврентьевскому списку⁸⁰. Однако, повествование ПВЛ, несомненно, частично основывалось на источнике, составленном при жизни князя Ярослава Мудрого: в ПВЛ упоминается, что новгородцы перебили варягов «во дворѣ Поромони». Как показал С. М. Михеев, речь идет о дворе некоего человека по имени Парамон⁸¹. А поскольку, как отметил исследователь, крестильные имена людей на Руси в источниках за первую половину XI в. упоминались в единичных случаях⁸², такая подробность должна была быть зафиксирована современниками описываемых событий⁸³. Думается, что к раннему пласту стоит отнести и упоминание нарочитых мужей – не характерного для XII в. термина для обозначения городской знати.

В Церковном уставе Ярослава Мудрого XI в. «нарочитые люди» также относятся к городской элите: в 3–4-й и 7-й статьях они наряду с «простой чадью» упоминаются после «великих» и «меньших» «бояр». В 30-й статье после великих и меньших бояр следуют «люди городские»⁸⁴. Таким образом, великие и

меньшие бояре являлись княжескими служилыми людьми, а нарочитые люди и простая чадь представляли собой городские верхи и низы⁸⁵. Впрочем, разделение бояр на великих и меньших впоследствии, вероятно, существовало и в среде городского, недружинного боярства: в 6716 (1211) г. «Съвѣтъ же створиша Игоревичи на бояре галичкыи да избьютъ и по прилучаю избьени быша и убьень же бысть Юрьи Витановичъ Илия Щепановичъ инии велиции бояре убьено же бысть ихъ числомъ ф (500 – М. Н.) а инии разбѣгошася»⁸⁶. Под 6984 (1475/1476 гг.) Новгородская IV летопись упоминает «новгородскихъ б бояриновъ великихъ»⁸⁷.

Среди упоминаний слова «нарочитый» применительно к людям в русских источниках XI в. стоит также отметить вышеупомянутых «жидовъ нарочитыхъ» из древнерусского перевода греческой хроники Г. Амартола. В оригинале вместо слова «нарочитыхъ» фигурирует эпитет «ἐπίσημος»⁸⁸ (знаменитый, выдающийся, известный). П. В. Лукин справедливо отметил, что это «не обозначение определенного социального статуса, а просто указание на некое более высокое положение тех или иных людей по сравнению с общей массой, причем не ясно, по какому критерию»⁸⁹. Вместе с тем, нельзя исключать, что древнерусский переводчик употребил слово «нарочитые» в качестве обозначения привычной ему

⁸⁰Михеев С. М. Кто писал повесть Временных лет? С. 240.

⁸¹Михеев С. М. Фарьманъ и Поромонъ дворъ...

⁸²Там же. С. 365.

⁸³С. М. Михеев полагает, что эта подробность имела еще в Древнем Сказании, написанном в 1016–1017 гг. Однако, почему-то при реконструкции этого сюжета отдает приоритет чтению НЛ мл. «в Поромонѣ дворѣ» (Михеев С. М. Кто писал повесть Временных лет? С. 240), несмотря на то, что старшинство данного чтения по сравнению с текстом ПВЛ «во дворѣ Поромони» не является доказанным. И навряд ли доказуемо. По-видимому, вариант ПВЛ больше отражает стилистику киевского летописания, согласно которой название двора упоминается после слова «двор» – напр. двор Гордятинъ и Никифоров, а двор княж, двор Воротиславль и Чюдинь, двор теремной, двор доместников, двор Пуятин, двор Коснячков, двор княж, теремной, отень и др. – в то время как чтение НЛ больше соответствует особенностям новгородского летописания, в котором название, наоборот, часто предшествует слову «двор» – Петрятин двор, Одрешков двор, Ярославль двор.

⁸⁴Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 86–88. П. С. Стефанович полагает, что простая

чадь соотносится с сельским населением (Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины... С. 522), но стоит учесть, что на Руси это слово не употреблялось по отношению к крестьянам, а в новгородском летописании более позднего времени упоминается исключительно в связи с городскими событиями (НЛ. С. 67, 71, 100). Поэтому, для того, чтобы не множить сущности сверх необходимого, мы предпочитаем относить ее к городским низам.

⁸⁵Это подтверждает правоту догадки П. С. Стефановича, что в данном случае нарочитые люди представляли собой городскую знать (Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины... С. 522).

⁸⁶ПСРЛ. Т. 2. Стб. 723–724.

⁸⁷ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 457.

⁸⁸Georgii Monachi Chronicon. Vol. 1. Leipzig, 1904. S. 248.

⁸⁹Лукин П. В. «Но преблагии Богъ не хотя смерти грѣшникомъ...»... С. 292.

городской знати, занимавшей выдающееся положение в городе⁹⁰. Стоит учесть, что древнерусские переводчики не всегда точно переводили греческие слова, а иногда заменяли их привычной для них русской терминологией. К примеру, в древнерусском переводе «Иудейской войны» переводчик самовольно назвал людей, обслуживающих катапульты, «сулицниками», определенно ассоциируя их деятельность с метанием сулицы – древнерусского метательного древкового оружия⁹¹. По крайней мере, случаи употребления по отношению к людям термина «нарочитый» в иных и разнообразных значениях надежно фиксируются уже позднее XI ст., когда это слово перестало обозначать знать.

М. Б. Свердлов высказал интересную мысль о том, что исчезновение термина «нарочитые мужи» для обозначения местной знати было связано с распространением слова «боярин»⁹². Действительно, в XII в., начиная со статьи Русской Правды «о заднице боярской и дружинной»⁹³, под названием бояр в источниках начинает

фигурировать не только дружинная⁹⁴, но и городская элита⁹⁵.

⁹⁴Как известно, слово «дружина» было в древнерусском языке полисемантическим: иногда оно означало и княжеских служилых людей (*Лукин П. В.* Новая точка отсчета в изучении древнерусской элиты // *Российская история.* № 6. 2014. С. 35). В данном случае оно тоже употреблено в этом значении, а не просто обозначает княжеских друзей, соратников. Не мог же князь, утверждавший эту статью Русской Правды, всех бояр официально считать недругами. Просто элита, как в Киеве, где Русская правда была составлена, так и в других городах Руси, была не только служилой (*Несин М. А.* Северо-Восточная Русь при монголах // *Valla.* Т. 2. № 6. 2016. С. 65).

⁹⁵О наличии такой городской элиты в Галиче, Смоленске и др. городах см: *Несин М. А.* 1) Галицкое вече в 1187–1188 гг. // *Русин.* № 3 (17). 2009. С. 35–36; 2) Галицкое вече при Ярославе Осмомысле // *Русин.* №1 (19). 2010. С. 79–84; 3) К истории происхождения Галича. С. 66; 4) Галицкое вече и Даниил Галицкий в 1205–1209 гг. // *Русин.* № 2 (25). 2011. С. 9–10; 5) Галицкое вече в 1235–1240-х гг. // *Русин.* № 4 (30). 2012. С. 93–97; 6) Галицкое вече и Роман Галицкий // *Русин.* № 2 (32). 2013. С. 33–34; 7) Борьба за Смоленск в XV веке // *История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV–XVII вв. Ч. I.* 2015. С. 8–9; 8) Северо-Восточная Русь при монголах. С. 64–65, 76. Существование в Галиче особого класса «местных бояр» отмечал еще Н. П. Дашкевич (*Дашкевич Н. П.* Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873). При этом он, равно как впоследствии и В. Т. Пашуто (*Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950), связывал их исконное происхождение с дружинной средой, однако впоследствии они, по его мнению, выделились в оседлый, привязанный к городу и противостоящий княжеской власти слой. Похожих взглядов придерживался П. С. Стефанович (*Стефанович П. С.* Отношения князя и знати в Галицком и Волынском княжествах до конца XII в. // *Средневековая Русь.* Вып. 7. М., 2007. С. 218). Впрочем, еще в дореволюционной историографии встречались иные взгляды. С. М. Соловьев, считавший, что во всей Руси боярство было дружинным, тем не менее, признавал наличие в Галиче земских бояр галицких, бояр «не князя, а княжества» (*Соловьев С. М.* Даниил Романович, король Галицкий // *Современник.* Т. 1. Отд. 2. 1847. С. 110–111). Сходные взгляды впоследствии высказала К. А. Сафроненко (*Сафроненко К. А.* Общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси. М., 1955), выдвинувшая гипотезу о происхождении бояр галицких из недружинной среды. Ныне П. С. Стефанович высказал сомнения, что Русь в первые века существования была настолько централизованным государством, что в ней не оставалось места для неслужилой знати, и

⁹⁰В этой связи стоит отметить, что на известной Лукину (там же. Примеч. 42) 185 странице 5 тома Словаря древнерусского языка XI–XIV в. упоминание «жидов нарочитых» указано в значении «Важный, знатный, почитаемый». И ниже приводится иной весьма любопытный пример употребления этого термина в том же дисточнике: вса соушана въ Римѣ нарочиты-а избивъ. бѣтельство ихъ възимаше. (тоу ... ἐπιστήμους) (Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. Т. 5. М., 2002. С. 185). Не исключено, что древнерусский переводчик воспринимал этих избитых состоятельных римлян как аналог древнерусской городской знати, иногда несшей ответственность за весь свой город, вроде древлянских лучших, нарочитых мужей, погубленных Ольгой в отместку за убийство Игоря выступившими из Искоростена древлянами, или избитых Ярославом новгородских нарочитых мужей за избивание новгородцами его варяжских наемников.

⁹¹*Фомичев М. В., Несин М. А.* Александр Невский и Литва: военно-политические отношения Северо-Восточной Руси и Литвы в 30–60 гг. XIII в. // *Novogardia.* № 2. 2019. С. 49.

⁹²*Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь... С. 91.

⁹³*Тихомиров М. Н.* Пособие по изучению Русской Правды. М., 1953. С. 106.

Интересно, что термин «лучшие мужи» тоже неоднократно употреблялся в источниках часто применительно к недружинной древнерусской знати⁹⁶. В историографии употребление этого термина в древнерусских источниках до сих пор не было комплексно исследовано. Исследователи ссылались лишь на отдельные упоминания. Пожалуй, наиболее развернуто и обстоятельно эта проблематика на сегодняшний день рассмотрена в монографии М. Б. Свердлова⁹⁷. В этой работе будут исследованы все случаи его упоминания в древнерусских источниках до конца XIII в., когда он регулярно употреблялся по отношению к знати.

Первое упоминание «лучших мужей» относится к 6453 (945) г. и связано с рассмотренным выше сюжетом ПВЛ о древлянских посольствах нарочитых, лучших мужей в Киев. Как было отмечено выше, лучшие-нарочитые мужи относились к числу неслужилой знати, были выбраны для участия в посольстве к киевской княгине Ольге именно древлянами, а не князем Малом, а термин «лучшие» в данном случае был равнозначен «нарочитым». Это обстоятельство дало основание М. Б. Свердлову отметить «синонимичность» этих терминов⁹⁸.

Согласно новгородской берестяной грамоте № 246, датированной 1020–1090 гг., некий иногородний Жировит грозит новгородцу Стояну, что если тот ему не вернет долг, то он отнимет имущество у знатного новгородца, точнее – знатного новгородского горожанина – лоуцшаго

положение знатного лица должно было зависеть только от его успехов на службе князю (Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины... С. 103). М. Б. Свердлов разделяет бояр домонгольского периода на «княжескую служилую» и «местную неслужилую» «знать» (Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... С. 589–590).

⁹⁶Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... С. 86–90.

⁹⁷Там же. С. 89, 90, 270.

⁹⁸Там же. С. 90.

новгороджанина⁹⁹. Такая необычная форма – новгороджанина – свидетельствует, что определенно имелся в виду знатный горожанин, а не дружинник.

Под 6579 г. (скорее всего, события происходили в 1076 г. от Р. Х.)¹⁰⁰ в ПВЛ сообщается о пресеченных киевским дружинником Янем Вышатичем расправах ярославских волхвов над «лучшими женами» – знатными женщинами на погостах во время неурожая¹⁰¹. По мнению М. Б. Свердлова, летописец нарочно употребил по отношению к знатым женщинам архаичный термин «лучшие»¹⁰². Вместе с тем, ниже ученый отмечал, что «понятие» «лучшие мужи» сохранялось в качестве «названия знатных людей» в «русской социальной терминологии XI–XIII вв»¹⁰³. Думается, что под 1076 г. летописец не занимался сознательной архаизацией социальной терминологии. Некоторые исследователи считали «лучших жен» не знатыми, а просто почтеннейшими¹⁰⁴. Такие трактовки нам кажутся неудачными. Ведь этих женщин убивали не в обычных селах, а исключительно на погостах – важных административных центрах, а лучшие жены приходились матерями, сестрами и дочерьми не простым людям, а повозникам¹⁰⁵, видимо, представители местной элиты, лицам, ответственным за сбор и транспортировку дани в

⁹⁹Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 280.

¹⁰⁰Обоснование датировки см.: Рапов О. М. О датировке народных восстаний на Руси XI в. в Повести временных лет // История СССР. № 2. 1979. С. 144–145. Стоит согласиться с О. М. Раповым, что описанные в ПВЛ страсти разыгрались не в первый голодный год. Их могли вызвать разве что два неурожайных года подряд. Поэтому предложенная исследователем датировка этих событий осенью 1076 г. после двух неурожайных лет, 1075 и 1076, нам кажется наиболее предпочтительной.

¹⁰¹ПВЛ. С. 76.

¹⁰²Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... С. 90

¹⁰³Там же.

¹⁰⁴Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978. С. 104

¹⁰⁵ПВЛ. С. 77.

Белоозеро¹⁰⁶, в некотором отношении подобным новгородской знати, участвовавшей в сборе дани с Новгородской земли¹⁰⁷. Лучшие жены, очевидно, относились к местной неслужилой знати. О принадлежности этих злополучных женщин к семьям дружинников, по-видимому, говорить не приходится, поскольку в Северо-Восточной Руси в то время не было княжеского стола и дань взимал пришлый отряд вышеупомянутого киевского дружинника.

В конце 6643 (1135) г., согласно НЛ, «на зиму иде въ Русь архиепископъ Нифонтъ с лучшими мужи»¹⁰⁸. И, очевидно, они дошли почти до Киева: по НЛ, новгородская делегация увидела стоящие друг против друга многочисленные киевские и черниговские войска, которые «божиею волею» примирились¹⁰⁹, а киевское летописание, не упоминая присутствие новгородцев, сообщает, что черниговцы вместе с половцами пришли под Киев, тамошний князь собрал большое войско, но сражения не состоялось, и обе стороны заключили мир 12 января 1136 г.¹¹⁰

Под ездившими с Нифонтом лучшими мужами, зафиксированными новгородским летописанием, скорее всего, опять же подразумеваются представители новгородской городской знати: за последний год новгородский князь Всеволод Мстиславич ни разу не фигурировал в связи с взаимоотношениями Новгорода с другими князьями¹¹¹. Единственное отмеченное новгородским хронистом его деяние в этот период – совместная с епископом

Нифонтом постройка церкви Успения Богородицы на Торгу¹¹². Вероятной причиной этого было то, что он не отличился в сражении новгородцев с суздальцами у Жданой горы 26 января 1135 г., что позволило новгородцам при его свержении в мае 1136 г. выдвинуть ему обвинение, что он дезертировал с поля боя – «ехаль если с пълку впереди всѣхъ»¹¹³.

Скорее всего, в задачу возглавляемой святителем новгородской делегации входила задача помирить Киев и Чернигов (что недавно пытался сделать новгородский посадник Мирослав Гюрятинич¹¹⁴). Примириительные речи святителя, вероятно, должны были с точки зрения враждующих сторон звучать достаточно внушительно (новгородцы неоднократно отправляли в составе посольств к князьям владыку, иногда – архимандрита, если хотели добиться мирного разрешения переговоров), да и присутствие архиерея, по-видимому, обеспечивало новгородской делегации относительно большую безопасность на поле брани. Участие новгородской элиты в подобных посольствах было обычным делом. Считается, что новгородский святитель Нифонт «достаточно эффективно» участвовал в замирении южнорусских князей¹¹⁵. Но в данном случае даже новгородский источник не упоминает ни о какой причастности новгородской делегации к разрешению киевско-черниговского конфликта. Поэтому можно предположить, что новгородские делегаты не могли оказать на князей никакого существенного влияния – те и так помирились, причем если киевский летописец не видел в этом примирении 12 января 1136 г. ничего чудесного¹¹⁶, то по версии новгородского летописания, оно было достигнуто с

¹⁰⁶Платонова Н. И. Древнерусские погосты — новая старая проблема // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 350–351.

¹⁰⁷Несин М. А. Языческие выступления в Северо-Восточной Руси // Актуальные проблемы социальных и гуманитарных наук. № 1–2. 2014. С. 99.

¹⁰⁸НЛ. С. 23–24.

¹⁰⁹Там же. С. 24.

¹¹⁰ПСРЛ. Т. 2. Стб. 299.

¹¹¹НЛ. С. 23–24.

¹¹²Там же. С. 23.

¹¹³Там же. С. 24.

¹¹⁴Там же. С. 23.

¹¹⁵См. напр: Печников М. В. Новгородский святитель Нифонт, княжеская власть и киевская митрополия (30–50-е гг. XII в.) // Вестник церковной истории. № 3–4 (47–48). 2017. С. 244.

¹¹⁶ПСРЛ Т. 2. Стб. 299.

помощью высших сил¹¹⁷. Нифонт вернулся в Новгород чуть больше 3 недель спустя, 4 февраля¹¹⁸, преодолев многие сотни км. Вероятнее всего, новгородская делегация не стала ждать официального заключения мира, а поехала домой, удостоверившись, что враждующие стороны пришли к согласию. Лишь после возвращения святителя новгородцы вместо умершего 28 января посадника Мирослава Гюрятинича дали посадничество Константину Микульчичу. Тот, вероятно, был сторонником князей Владимировичей и противником Ольговичей, так как год спустя проявил себя как приверженец князя Всеволода Мстиславича, бежав из Новгорода к этому князю в марте 1137 г., после неудачного покушения «милостников» Всеволода на жизнь княжившего в городе Святослава Ольговича¹¹⁹.

Под 6654 (1146) г. в киевском летописании упомянуты «лутшѣи мужѣ киянѣ»¹²⁰. Эти лучшие мужи фигурируют в качестве части «всех киян», собравшихся «оу вечи» у Туровой Божницы¹²¹ и

требовавших от князя Святослава .Ольговича: «цѣлуи намъ» крест за себя и своего брата «аще кому боудет обида, да ты прави»¹²². Этих лучших мужей Святослав Ольгович отвез к своему брату Игорю Ольговичу и тот «съсед с коня и цѣлов к нимъ крсть (крест – М. Н.) на все» их «воли»; однако затем «они же устремишася» «грабити» дворы княжеского тиуна Ратши и княжеских мечников. «и посла к ним Игорь брата своего Стослава съ дружиною и едва оутиши»¹²³. Таким образом, «лутшѣи мужѣ киянѣ» определенно выступают в качестве городской киевской элиты, с которыми как с лучшими городскими представителями новый киевский князь Игорь Ольгович заключал соглашения. При этом киевский

касается окрестностей средневекового Вышгорода, у которого летописец, впрочем, не упоминает собрания «всех» киевлян. Также Толочко утверждает, что князь Игорь Ольгович не мог собрать всех киевлян на своем киевском Ярославовом дворе, не приводя данных ни о размере княжеского двора, ни о количестве киевских вечников (там же). Подобные взгляды были высказаны прежде еще В. Т. Пашуто, и, как справедливо заметил по этому поводу П. В. Лукин, «к сожалению, никаких данных ни о размере Ярославова двора, ни о численности населения Киева в этот период В. Т. Пашуто не приводит, что делает этот довод неубедительным» (Лукин П. В. Вече: социальный состав // Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. С. 114). К тому же летописец не уточняет, что князь созвал всех киевлян туда одновременно. При этом, стоит учесть, что киевляне целовали ему крест и признали своим князем еще под Угорским (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 320–321) на окраине Киева. Что касается последующего крестоцелования на княжеском дворе, то оно носило уже более формальный характер – киевский летописец уже не упоминает никаких связанных с ним речей и обещаний. Потому не исключено, что князь не устраивал внутри Ярославова двора единого общегородского вечного собрания, а приглашал «всех киян» подходить по очереди. В таком случае размеры Ярославова двора для приведения на нем к крестоцелованию «всех киян» значения не имели. Таким образом, версия П. П. Толочко об условности летописных упоминаний присутствия «всех киян» у Туровой божницы и в иных местах не представляется убедительной.

¹²²ПСРЛ. Т. 2. Стб. 321–322.

¹²³Там же. Стб. 322.

¹¹⁷НЛ. С. 23.

¹¹⁸Там же.

¹¹⁹Там же. С. 24.

¹²⁰ПСРЛ. Т. 2. Стб. 322.

¹²¹Исследователи не сомневаются, что под «всеми киянами» в данном случае подразумеваются горожане разного социального статуса. Даже П. П. Толочко, полагающий, что в этом собрании на самом деле участвовали не все киевляне, считает, что среди присутствующих были и простые, и знатные люди (Толочко П. П. Власть в Древней Руси X–XIII вв. С. 170). По версии исследователя, выражение «все кияни» в данной летописной погодной записи стоит понимать как литературное клише, поскольку всем киевлянам будто было негде собраться ни под Вышгородом, ни под Угорским, ни у Туровой божницы. Стоит отметить, что свое мнение об отсутствии в этих местах достаточно просторных свободных пространств ученый не подкрепил никакими фактами и не привел никаких данных о численности киевских вечников и размерах мест вечевых собраний (там же). Поэтому гипотеза исследователя не является обоснованной. Стоит также учесть, что средневековая топография указанных районов Киева комплексно не изучена, поэтому тезис о невозможности в них собраться «всем» «киянам» повисает в воздухе. То же

летописец прямо противопоставил им княжескую дружину, посланную князем, чтобы их «утишить», когда они стали грабить дворы княжеских чиновников. По-видимому, в действительности в разграблении дворов княжеских людей приняли участие не только эти знатные горожане, но и более широкие слои киевлян: выше летописец отметил, что к тиуну Ратше имели претензии «кияне», ниже констатирует, что «и не угодень быс кияномъ Игорь»¹²⁴, а не только лучшим мужам киянам. Но, очевидно, последние с точки зрения летописца играли в этих грабежах ключевую роль. Это летописное известие, на наш взгляд, позволяет раскрыть подлинную социальную организацию киевского веча, на котором, несмотря на участие «всех киян», ведущее положение занимала местная городская знать¹²⁵.

Под 6661 (1154) г. в киевском летописании упоминаются галицкие «лутшийи мужи», из числа «галицких мужей», «галичан», взятых в плен киевским князем Изяславом Мстиславичем. После состоявшегося в среду на Федоровой неделе (17 февраля)¹²⁶

¹²⁴Там же. Стб. 321–322.

¹²⁵Сходного мнения о характере киевских вечевых собраний того времени придерживается П. П. Толочко, хотя его доводы нам не представляются бесспорными. Исследователь почему-то уверен, что киевляне могли неискренне целовать крест Игорю Ольговичу под Угорским, только находясь под влиянием знати, и столь «изошренное двоедушие» не было свойственно «простым киевлянам». Никакими серьезными аргументами ученый эти представления не подкрепляет (Толочко П. П. Власть в Древней Руси X–XIII вв. С. 170).

¹²⁶Сражение под Теробовлем обычно относят к 16 февраля (см. напр: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 156). В действительности, утром во вторник на Федоровой неделе (16 февраля) Изяслав Мстиславич только перешел р. Серет. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 466). В тот день была «великая мгла» – сильный туман, «како не видети до конец копыя» (там же). Может быть, потому за весь день киевский князь дальше не продвинулся. Галицкий князь Ярослав Владимирович получил весть о том, что Изяслав Мстиславич пошел к Теробовлю уже вечером. Когда полки противников стали друг напротив друга, «мгла» рассеялась. Сражение длилось с «полудне до вечера» (там же. Стб. 467). То есть, состоялось не ранее следующего дня, среды 17

сражения под Теробовлем, галичане вбежали в Теробовель, а вставший на ночь на поле боя киевский князь выманил их из города, поставив трофейные галицкие стяги, и, когда галичане пошли под свои знамена, захватил в темное время суток¹²⁷

февраля. Однако, и не позднее, ведь летописец, красочно описывая стоявший во вторник густой туман, не сообщает, что он держался больше одного дня, равно как и о длительном стоянии войск друг против друга. Отметим, что согласно более краткому рассказу Лаврентьевской летописи, лишенному описанных выше подробностей, включая дату и время суток перехода Серета, Изяслав перешел эту реку «к ним» – к уже собравшимся боярам галицкого князя, непосредственно перед началом битвы (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 340). Очевидно, залесский хронист неверно передал фразу киевского источника о переходе Изяславом Серета «до них» – бродов (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 466), в которой шла речь всего лишь о месте перехода киевским князем реки.

¹²⁷Сражение длилось с полудня до вечера, после него галичане вбежали в Теробовель, а киевский князь Изяслав Мстиславич, встав на ночь «на полчище», выставил трофейные галицкие стяги, галичане пошли под них и «множество» их попало в плен; а утром Изяслав Мстиславич ушел в Киев, забрав с собой пленных галицких лучших мужей (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 467–468). Таким образом, галичане были взяты в плен вечером или ночью. По версии М. С. Грушевского, Изяслав Мстиславич выставил галицкие стяги и пленил галичан до того, как встал на ночь на поле боя, а уже затем в Теробовель вбежали остальные галичане (*Грушевский М. С.* Історія України-Руси. Київ, 1992. С. 437), но данная реконструкция не является научной, поскольку основана на произвольной перестановке указанных в источнике событий. По утверждению Т. Л. Вилкул, «дополнительный текст Ипат» «противоречит общим с Лавр фрагментам», согласно «основной сюжетной линии» которых «галичане находились где-то «на полчище» (?! – М. Н.), где их схватили, коварно заманив их под их собственные стяги» (*Вилкул Т. Л.* О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII в. (предварительные заметки) // *Palaeoslavica*. Vol. XIII. № 2. 2005. С. 52). Стоит согласиться, что киевский князь заманил галичан в ловушку. Впрочем, это неоднократно отмечалось еще в историографии XIX ст. (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 2. СПб., 1818. С. 265; *Зубрицкий Д. И.* История древнего Галичско-Русского княжества. Ч. 2. Львов, 1852. С. 92). Однако, в добросовестно выделенном Вилкул в отдельной таблице (*Вилкул Т. Л.* О происхождении общего текста... С. 52) общем тексте для Лаврентьевской и Ипатьевской летописей не сообщается, где именно находились галичане, когда Изяслав Мстиславич выставил галицкие стяги.

(то есть, вечером в среду, или в ночь со среды на четверг) «множество колодникъ». Ночью оставшийся после сражения с малочисленной дружиной Изяслав Мстиславич опасался нападения из города галицкого войска и «утрии» (то есть, утром в четверг 18 февраля) «поиде» в Киев, предварительно велел зарубить пленных галичан – «колодников», видя, что их очень много, даже больше, чем его собственных дружинников, «а лутшии мужи со собою поя»¹²⁸. В статье, посвященной

Поэтому заявление исследовательницы, что уникальное известие Ипатьевской летописи «противоречит общим с Лавр фрагментам» основано исключительно на домысле. Наоборот, если бы галичане, как это домысливает Т. Л. Вилкул, находились в это время «где-то» на поле боя, а не в Теревовле, то им было бы куда сложнее настолько не знать о местонахождении противника, чтобы принять вставших здесь же на ночь неприятелей за своих. Тем более, что остановка войска на ночь в зимнее время, безусловно, не соответствовала знаменитому летописному образу князя Святослава и его дружины, не возивших шатров, спавших на земле, положив под голову конское седло, и, несомненно, была сопряжена с установкой лагеря, что занимало какое-то время и едва ли осталось незамеченным галичами, если бы они действительно находились «где-то» тут же, «на полчище». В таком случае Изяславу Мстиславичу удалось бы заманить в ловушку разве что совсем немногих, а никак не «множество» галичан, которых оказалось больше, чем его собственных дружинников. Значительно менее натянутой представляется версия Ипатьевской летописи, что Изяслав Мстиславич стал на ночь «на полчище», а галичане вбежали в Теревовль и, таким образом, под свои стяги к противнику пошли из города. Тогда они действительно могли не знать, где находились враги и принять их войска за свои. В августе 1135 г. в сражении на р. Супое князя Ольговичи тоже заманили под трофейный стяг киевского князя Ярополка Владимировича не сражавшиеся с ними основные силы князей Владимировичей, а отлучавшуюся с поля боя лучшую дружину Владимировичей (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 298).

¹²⁸ПСРЛ. Т. 2. Стб. 467–468. В Лаврентьевской летописи лучшие мужи обозначены как «ихъ» – галичан-колодников (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 341). Рассказ Лаврентьевской летописи о галицком походе Изяслава Мстиславича более краткий, чем повествование Ипатьевской летописи. В частности, в нем отсутствует упоминание дат и не объясняется, почему киевский князь повелел избить пленных галичан-колодников за

исследованию галицкого веча при князе Ярославле Осмомысле мы пришли к выводам, что уведенные в Киев пленные галицкие «лутшии мужи» – это представители галицкой городской

исключением лучших «ихъ» мужей. Краткий рассказ Лаврентьевской летописи обычно считают относительно поздним, подвергнутым вторичной переработке и сокращению; иногда это мнение высказывается в качестве аксиомы (*Стефанович П. С.* Отношения князя и знати в Галицком и Волынском княжествах до конца XII в. С. 185). Действительно, все подробности галицкого похода из более обстоятельного рассказа Ипатьевской летописи, навряд ли были основаны лишь на поздних дополнениях. Едва ли, к примеру, южнорусский хронист десятилетия спустя стал бы задним числом придумывать дату перехода Изяславом р. Серет, умолчав при этом о дате самого сражения, состоявшегося на следующий день. Вернее полагать, что залесский книжник значительно сократил киевский рассказ о далеких от него южнорусских событиях, мало касавшихся истории его земель. К тому же, как было сказано выше, летописец Северо-Восточной Руси не знал, когда киевский князь перешел р. Серет. В то же время в рассказе Лаврентьевской летописи есть некоторые сведения, отсутствующие в Ипатьевской. Например, что во время сражения под Теревовлем не только «Изяславъ женяшеть галичаны», но и «галичане Изяславлю дружину и сына его», а «Изяславу же не вѣдушу и творящу побѣдившу галичаны» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 340). Эти подробности правдоподобны – о бегстве Мстислава Изяславича сообщается так же в Ипатьевской летописи, в ней есть отсутствующее в сокращенной рассказе Лаврентьевской летописи сообщение о бегстве дружины Изяслава Мстиславича (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 467–468). Т. Л. Вилкул допускает, что данные уникальные чтения Лаврентьевской летописи были «амплификацией», которая «объясняла слишком лаконичное известие» (*Вилкул Т. Л.* О происхождении общего текста... С. 152. Примеч. 146). Такой возможности полностью исключить нельзя, но это гипотеза не является наиболее вероятной, так как сокращенный рассказ Лаврентьевской летописи об этой кампании лишен столь развернутых пояснений. Скорее всего, залесский хронист (которого в данном случае трудно заподозрить в сочувствие к галичанам) опирался на текст киевского протографа, а эти неслестные для киевского князя эпизоды сражения были опущены киевским сводчиком конца XII в. и потому отсутствуют в Ипатьевской летописи, в которой отразился киевский летописный свод, составленный около 1198 г.

неслужилой знати¹²⁹. Отметим так же, что киевский хронист в рассказе о сражении под Теробовлем неоднократно противопоставлял галичан, галицких мужей дружине. «Изяславъ же изоима галичскыя мужи» а «галичане изоимаша изяславичъ» (мужей Изяслава, в Лаврентьевской летописи – «Изяславлѣ мужи»¹³⁰ – М. Н.), «остася Изяславъ с маломъ дружины на полчищи и постави стяги галичскыя и поидоша галичане подъ свои стягы», «на ту же ночь убоявсья Изяславъ зане бѣ остался с маломъ дружины... более бо бяшет колодникъ его дружины и видя многое множество колодникъ галичанъ вязичи и тако повелѣ сѣчи а лутшии мужи со собою поя утрии же день Изяславъ же Мьстиславич поиде въ Киевъ у домъ свои зане братиа его и дружина его разбѣглися»¹³¹. Можно вспомнить и вышеуказанное сообщение Лаврентьевской летописи, что «Изяславъ бо женяшетъ галичаны а галичане Изяславлю дружину и с[ы]на его»¹³², которое, как уже было отмечено выше, вероятно, восходило к киевскому протографу. Таким образом, галичане, галицкие мужи – горожане Галича, а их «лутшии мужи», фигурирующие на фоне неоднократного упоминания служилых людей Изяслава Мстиславича в качестве части галичан, а не мужей галицкого князя – представители галицкой городской неслужилой знати¹³³. Думается, что

киевский князь взял их в Киев в заложники для шантажа галичан¹³⁴. Несмотря на то, что Изяслав Мстиславич победил в сражении под Теробовлем, удержав за собой поле боя, в то время как галичане

обстоятельства, необъяснимые при отождествлении галичан, галицких мужей с боярами «Володимерковича», игнорируются исследователями, считающих галичан, галицких мужей княжескими боярами. В пользу принадлежности галичан к княжеским боярам обычно приводят единственный аргумент: в Ипатьевской летописи обращение к галицкому князю перед данным сражением приписывается «галицким мужам», а в Лаврентьевской – «болярам Володимерковича» (*Стефанович П. С.* 1) Отношения князя и знати в Галицком и Волынском княжествах до конца XII в. С. 185–186; 2) Бояре, отроки, дружины... С. 451; *Лукин П. В.* Вече: социальный состав. С. 66). Нами, в свою очередь, с привлечением соответствующего примера из древнерусских источников, показано, что княжеских бояр и галицких мужей не следует отождествлять – они выступали заодно и в Лаврентьевской летописи сделан упор на одних, а в Ипатьевской – на других (*Несин М. А.* Галицкое вече при Ярославе Осмомысле. С. 79). Однако, возможно и несколько иное объяснение. Стоит учесть, что в обеих летописях речь галицких мужей и бояр «Володимирковича» приводятся по-разному. В Ипатьевской летописи «галичскыи же мужи почаша молвити князю своему Ярославу» слова, отсутствующие в Лаврентьевской, после чего, начиная с оборота «и рѣша князю своему» следует речь, дословно читающаяся в Лаврентьевской летописи, приписанная в последней княжеским боярам (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 466–467; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 340). Не исключено, что в пространном рассказе Ипатьевской летописи пропущен фрагмент, читающийся в Лаврентьевской: «здумаша боляре Володимерковича» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 340). В таком случае в Лаврентьевской летописи приводится только речь княжеских бояр, а в Ипатьевской вместо двойной речи галицких мужей на самом деле отразились два обращения к князю – со стороны галицких мужей и со стороны княжеских бояр. В таком случае галицкие мужи и бояре галицкого князя были солидарны в том, чтобы уберечь князя от участия в бою, а формулировали и аргументировали это по-разному. Слова галицких мужей, что отец Ярослава кормил и любил (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 466) следует связывать с тем, что Владимирко Володаревич способствовал усилению Галичины среди древнерусских земель, соответственно, фактически и государственного значения местного веча (*Несин М. А.* 1) Галицкое вече при Ярославе Осмомысле. С. 89. Примеч. 37; 2) К истории происхождения Галича. С. 65).

¹³⁴*Несин М. А.* Галицкое вече при Ярославе Осмомысле. С. 86. Примеч. 10.

¹²⁹*Несин М. А.* Галицкое вече при Ярославе Осмомысле. С. 79.

¹³⁰ПСРЛ. Т. 1. Стб. 340.

¹³¹ПСРЛ. Т. 2. Стб. 467–468.

¹³²ПСРЛ. Т. 1. Стб. 340.

¹³³Трудно в этой связи согласиться с неаргументированным утверждением П. В. Лукина, что здесь «речь идет явно дружине», которую ученый отождествляет с «боярами [галицкого князя Ярослава] Володимерковича» (*Лукин П. В.* Вече: социальный состав. С. 66). В участии бояр галицкого князя в сражении под Теробовлем сомневаться не приходится. Но в летописях акцентируется внимание именно на галицких мужах, галичанах, которые неоднократно противопоставляются дружине, мужам, киевского князя Изяслава. К тому же, если бы под галицкими мужами, галичанами, подразумевались бояре галицкого князя, то вместо их лучших мужей фигурировали бы лучшие бояре. К сожалению, эти

бежали в город, и уже после битвы хитроумно захватил множество пленников, его войска понесли слишком большой урон для того, чтобы выиграть саму войну, отняв у галицкого князя Ярослава Владимировича спорные территории¹³⁵. И, захватив знатных галицких мужей, Изяслав Мстиславич, вероятно, надеялся, что сможет добиться у галичан каких-то уступок путем шантажа. Дальнейшая лучших галицких мужей неизвестна. Ни Изяслав Мстиславич, ни его преемники не получили искомые земли.

Под 6676 (1167)¹³⁶ г. в Ипатьевской летописи сообщается, что смоленский князь Ростислав Мстиславич поехал из Чечерска в Смоленск и за 300 вест от Смоленска (то есть недалеко от Чечерска – М. Н.) его «начаша» встречать «лутшийи мужи смолянны», потом – внуки, затем – сын Роман, а так же смоленский епископ Мануил, некий Внезд (тысяцкий?)¹³⁷ и

¹³⁵Д. И. Зубицкий сделал оригинальный вывод, что «победили галичане», приписав киевскому князю ночное «бегство» (*Зубицкий Д. И. История древнего Галичско-Русского княжества. С. 92*). Это противоречит источнику – Изяслав Мстиславич ушел уже утром, и его уход как бегство не обозначен (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 468).

¹³⁶Как показал Н. Г. Бережков, смерть смоленского князя Ростислава Мстиславича 14 марта следует датировать «началом 6675 (1167/68) мартовского года» (*Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 67*), то есть, 14 марта 1167 г. А его поездка к сыну Святославу в Новгородскую землю из-под Канева через Чечерск, датированная в Ипатьевской летописи концом года: «того же лета исходячи» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 528), таким образом, относится к концу прошлого 6774 (1166/1167) мартовского года. То есть, к началу 1167 г.

¹³⁷В историографии статус Внезда оценивали по-разному. В. А. Кучкин не упоминает это нетитулованное лицо даже как гипотетического смоленского тысяцкого, отмечая в качестве первого известного тысяцкого Смоленска уже Михалку (Михаила), тысяцкого смоленского князя Давыда Ростиславича, возглавлявшего смоленский полк в марте 1196 г. (*Кучкин В. А. Тысяцкие в Переяславском и Смоленском княжествах в XII в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. № 1 (67). 2017*). В то же время, по утверждению некоторых исследователей, Внезд был тысяцким. Единственным автором, попытавшимся обосновать эту точку зрения, был С. М. Соловьев, отметивший, что Внезд занимал «место после князя и епископа;

малѣ не весь градъ, «и тако вельми обрадовашас приходу его и монжьство даровъ подаша ему»¹³⁸. Скорее всего, «лутшийи мужи смолянны» – городская знать, а не княжеские бояре, иначе были бы указаны как мужи «его». В то же время, стоит отметить умолчание хрониста об участии в столь дальних торжественных встречах князя его мужей, вкупе с упоминанием присутствовавшего на последней встрече некоего нетитулованного Внезда. Поэтому нельзя исключать, что летописец допустил некоторую неточность в перечислении лиц, встречавшими смоленского князя Ростислава Мстиславича между Чечерском и

его видимъ так же вмести съ смоленскими князьями въ походе на помощь Полоцкому князю Рогволду противъ родичей» (*Соловьев С. М. История России с Древнейших времен. Кн. 1. Т. 2. СПб., 1851. Стб. 488*). В действительности, летописное описание встреч Ростислава Мстиславича между Чечерском и Смоленском не позволяет столь точно определить место Внезда в иерархии смоленской элиты. Тот же Соловьев не считал, что лучшие мужи смоляне, первые встретившие Ростислава Мстиславича, были выше его сына Романа, или внуки князя занимали более высокое положение, чем княжеский сын (там же. Стб. 471). Ясно лишь, что Внезд упомянут после сына Ростислава Мстиславича Романа и смоленского епископа Мануила, вместе с которыми встречал смоленского князя, и перед всем городом, тоже присутствовавшим на этой встрече. Таким образом, Внезд занимал более скромное положение, чем сын князя и святитель, хотя несомненно выделялся на фоне «всего города». При этом сын князя Роман, епископ Мануил и Внезд – единственные названные по имени участники встреч Ростислава Мстиславича между Чечерском и Смоленском, что, несомненно, говорит об их видном положении среди смоленской элиты. Поэтому можно допустить, что Внезд занимал должность тысяцкого. Но в то же время, не стоит исключать, что он не являлся высоким сановником, а пользовался большим доверием своего князя. В обоих отмеченных С. М. Соловьевым летописных упоминаний он не титулован. Как и посол Ростислава Мстиславича, Иван Рученик, которого Соловьев считал боярином, но не тысяцким (там же. Стб. 488). В этой связи наиболее корректной представляется формулировка Л. В. Алексеева, упомянувшего Внезда как тысяцкого под знаком вопроса (*Алексеев Л. В. Смоленская земля в XI–XIII вв. М., 1980. С. 214*).

¹³⁸ПСРЛ. Т. 2. Стб. 528.

Смоленском. Можно так же допустить, что хронист несколько округлил большое расстояние от Смоленска, на котором Ростислава Мстиславича встретили «лутшийи мужи смоляны». Пожалуй, ни одному из князей средневековой Руси горожане не устраивали торжественных встреч так далеко от города. В то же время, с географической точки зрения это число было правдоподобно¹³⁹. К тому же стоит учесть, что князь был нездоров и доживал последние недели. Вскоре Ростислав Мстиславич поехал из Смоленска в Новгород через Торопец. Но в Торопце сильно разболелся и послал гонца своему сыну Святославу с повелением поехать на встречу ему в Луки. В. Луки расположены более чем в 300 км от В. Новгорода. В Средневековье это был юго-западный приграничный пригород Новгорода. В Луках Ростислав Мстиславич встретился с сыном и новгородцами, новгородцы присягнули на кресте «имети» «собѣ» пожизненным «княземъ» Святослава¹⁴⁰. Вскоре, 14 марта 1167 г., Ростислав Мстиславич умер в с. Рогнедино, на пути к Киеву, в котором хотел быть погребен¹⁴¹. О заключения князем с новгородцами каких-то договоренностей «на зиму» в Луках, его болезни и смерти на пути в Киев сообщается также в независимом известии новгородского летописания¹⁴². Так что «лутшийи мужи смоляны» имели все основания торжественно встретить своего умирающего князя если не за 300, то, по крайней мере, за многие десятки

верст от города. Во всяком случае, Ростислав Мстиславич последние месяцы своей жизни провел в дальних разъездах, и, несмотря на свое немощное состояние здоровья, во что бы то ни стало доводил свои дела до конца, организуя для этого все нужные встречи. Такой князь мог умереть в дороге. Что с ним в ближайшие недели и случилось.

Под 6694 (1186/1187) гг. в НЛ упоминается «встань» между смоленским князем Давыдом Ростиславичем и «смоляны» и «много головъ паде лущьших мужъ»¹⁴³. Надо полагать, что речь идет о пострадавшей городской знати – князю эта распря не стоила ни княжения, ни каких-либо крупных уступок. Дружина же, несомненно, была на стороне князя – не мог же он один успешно противостоять всему городу. О наличии в Смоленске недружинной аристократии упоминается в связи с событиями 1401 г., когда смоляне вместе со своим князем Юрием Святославичем казнили «своих», а не княжеских бояр, лояльных великому литовскому князю Витовту¹⁴⁴.

Вместе с тем термин «лучшие мужи», по-видимому, был полисемантическим. И иногда применялся по отношению к княжеской дружине.

По наблюдению В. В. Пузанова, термин «лучшие» не употреблялся в ПВЛ по отношению к княжеским мужам¹⁴⁵. Другое дело, что под 6452 (944)¹⁴⁶ г. в ПВЛ фигурируют византийские «лучиѣ боляре», посланные императором Романом I навстречу киевскому князю Игорю¹⁴⁷. Исследователи не сошлись во мнении, был этот поход Игоря на Византию в действительности, или сконструирован киевским хронистом при составлении ПВЛ в начале XII в. Думается, что этот вопрос не имеет однозначного решения. С одной

¹³⁹Обычно упоминание в летописи этих 300 верст не вызывает сомнений у исследователей. Лишь Л. В. Алексеев почему-то заявил, что «такого расстояния от Чичерска до Смоленска, как бы он ни ехал, быть не могло» (Алексеев Л. В. Смоленская земля в XI-XIII вв. С. 214). В действительности, Смоленск находится в 318 км от Чичерска. А в XII в. в южной Руси использовались путевые версты длиной около 1 км. В предыдущей погодной записи Ипатьевской летописи упоминается р. Молочная, находившаяся в 15 верстах от Новгород-Северского (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 526). Ныне это – безымянный ручей (Зайцев А. К. Черниговское княжество X-XIII вв. М., 2009. С. 153), расположенный примерно в 15-17 км от города.

¹⁴⁰ПСРЛ. Т. 2. Стб. 528–529.

¹⁴¹Там же. Стб. 529–532.

¹⁴²НЛ. С. 32.

¹⁴³НЛ. С. 38.

¹⁴⁴НЛ. С. 397; Несин М. А. Борьба за Смоленск в XV в. С. 8–9.

¹⁴⁵Пузанов В. В. Древнерусская государственность... С. 565.

¹⁴⁶Обычно его датируют 943 г., но эту датировку сложно признать достаточно обоснованной (Карпов А. Ю. Княгиня Ольга. С. 292. Примеч. 56).

¹⁴⁷ПВЛ. С. 23.

стороны, сведения ПВЛ не находят убедительного подтверждения в византийских источниках. С другой стороны, этот поход не должен был произвести на византийских хронистов неизгладимое впечатление, ведь кампания по ПВЛ фактически не состоялась – Игорь отменил поход еще на Дунае, взяв у византийцев дань¹⁴⁸. Во всяком случае, употребленный в ПВЛ по отношению к посланцам византийского императора оборот «лучиѣ боляре» нет оснований считать калькой с греческой терминологии и поэтому не следует исключать, что на Руси не позднее начала XII ст. слово «лучшие» иногда употреблялось применительно к местным княжеским боярам.

Во всяком случае, в XII–XIII вв. этот термин иногда обозначал людей, находившихся на службе у князя. Например, под 6644 (1135)¹⁴⁹ г. в киевском летописном рассказе об августовском сражении в верховьях р. Супой упоминается «дружина лутшая» князей Владимировичей, пустившаяся в погоню за убегающими половцами – союзниками князей Ольговичей¹⁵⁰. Как отметил А. А.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Обоснование датировки см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 51.

¹⁵⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 298. Более лапидарное упоминание об этой лучшей дружине имеется в Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 304), краткий рассказ которой об этой кампании исследователи считают более поздним и сокращенным по сравнению с повествованием Ипатьевской летописи. Как отметил А. Н. Насонов, в Лаврентьевской летописи «общий источник сокращен, причем сокращено то, что написано было киевлянином в интересах киевского князя» (*Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII в. М., 1969. С. 88–89), добавим, что киевский князь Ярополк Владимирович и вовсе ни разу не упоминается в рассказе Лаврентьевской летописи о легком военном конфликте Ольговичей и Владимировичей, причем в этом источнике не сообщается, какие именно Владимировичи участвовали в сражении на Супое, а также куда они пропали со своими полками с поля боя во время отлучки их лучшей дружины (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 303–304). В этой связи, в дальнейшем мы предпочитаем опираться на более целостный рассказ Ипатьевской

Горский, ниже летописец раскрывает ее состав, отмечая, что в преследовании половцев участвовали тысяцкий и бояре князей Владимировичей¹⁵¹. Таким образом, речь, по заключению исследователя, идет о дружинной элите, боярах¹⁵².

Тысяцкий и княжеские бояре «избиша» половцев, но, вернувшись назад, не нашли своих князей¹⁵³ и буквально

летописи, отмечая некоторые разночтения в сокращенном известии Лаврентьевской.

¹⁵¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 298; *Горский А. А.* Древнерусская дружина. С. 39. П. П. Толочко считает, что это была лучшая дружина Ярополка и Андрея Владимировичей (*Толочко П. П.* Власть в Древней Руси X–XIII вв. С. 116). Однако, летописец упоминает в ее составе бояр всех 4-х участвовавших в сражении братьев Владимировичей – Ярополка, Вячеслава, Юрия и Андрея (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 298). По мнению В. А. Кучкина, бояре только «командовали» «лучшей частью» дружины (*Кучкин В. А.* Тысяцкие в Киевском княжестве в XI–XIII вв. С. 11). Эта трактовка не находит опоры в источниках. Ближе к истине П. П. Толочко, отметивший, что «из летописи следует, что именно тысяцкий и возглавлял «дружину лучшую»» (*Толочко П. П.* Власть в Древней Руси X–XIII вв. С. 117).

¹⁵² *Горский А. А.* Древнерусская дружина. С. 39. Признавая такой состав «лучшей дружины», П. С. Стефанович предполагает, что данное «выражение... использовалось просто для обозначения лучшей «ратной» готовности» ... «Лучшими» в данном контексте (батальные сцены), они были с точки зрения не социальной, а военной». Историк привел в пример упомянутую в т. н. Галицко-Волынской летописи такую характеристику войска Даниила Романовича как «добрая дружина» и «велице полки» (*Стефанович П. С.* Бояре, отроки, дружины... С. 242–243). Однако, версию П. С. Стефановича трудно признать убедительной. Приведенный им пример не является типичным для южнорусского летописания XII–XIII вв. хотя бы потому, в том случае эпитет «добрая» откровенно характеризует хорошие воинские качества. А из летописного рассказа о сражении у р. Супой 1135 г. никак не следует, что в погоню за половцами пустился лучший военный отряд, а в «лютой брани» с Ольговичами участвовали худшие силы. В этой связи мы, чтобы не нарушать принятый в науке принцип бритвы Оккама, отдаем предпочтение точке зрения А. А. Горского, согласно которой лучшая дружина – бояре князей Владимировичей

¹⁵³ «князьи своя» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 298). В Хлебниковском списке читается «кн(я)зя ея» (там же. Примеч. 80, 81). Это чтение является неверным – ведь это была лучшая дружина всех

попали в руки – «упадоша в ручѣ» князьям «Ольговичемъ»; «такъ» Ольговичи «изымаша ѣ, держаще стягъ Ярополчъ»¹⁵⁴, киевского князя Ярополка Владимировича. Как отметил С. М. Соловьев, тысяцкий и бояре Владимировичей «попались въ руки побѣдителемъ, Ольговичемъ, обманутые Ярополковымъ стягомъ, который держали послѣдніе»¹⁵⁵. Среди многих попавших в плен к Ольговичам бояр киевский летописец выделил киевского (?)¹⁵⁶

князей Владимировичей, а не только какого-то одного из них, не названного по имени. В Лаврентьевской летописи вместо «князья свося» фигурируют «князѣ вои» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 304). Это чтение так же стоит признать неудачным – княжеская дружина была, прежде всего, связана с князьями, а не с их воинами, к тому же в летописях т. н. Лаврентьевской группы данное чтение является маргинальным: в аналогичных известиях Радзивилловской и Московско–Академической летописей читается «князья / князеи своихъ» (там же. Стб. 303–304. Примеч. 28).

¹⁵⁴ПСРЛ. Т. 2. Стб. 298.

¹⁵⁵Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Стб. 370–371.

¹⁵⁶В. А. Кучкин однозначно принял «пояснение» Лаврентьевской летописи, что это был киевский тысяцкий. Но при этом в сноске отметил: «Лаврентьевская летопись дает иное отчество этого тысяцкого – Ярунович... Следуем чтению Ипатьевской летописи, которая, как показывает сличение ее текста с текстом Лаврентьевской летописи, с 20-х гг. XII в. содержит более полный и ранний текст, чем Лаврентьевская (Кучкин В. А. Тысяцкие в Киевском княжестве в XI–XIII вв. С. 11. Примеч. 29). В этой связи возникает риторический вопрос – можно ли утверждать, что данное «пояснение» восходило к аутентичному киевскому источнику и имело отношение к реалиям этого сражения, а не было ли, припиской позднего залеского переписчика?

Тем более, что при описании данной кампании в Лаврентьевской летописи имеется сомнительное добавочное чтение про разорение Ольговичами городов и сел по р. Суле и сожжение Устья (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 303). Этих подробностей не сообщает Ипатьевская летопись, дающая значительно более обстоятельное описание осады Ольговичами Переяславля, более того, Ольговичи не успели дойти до Устья, так как, узнав о приближении киевского Ярополка Владимировича, пошли навстречу ему к верховьям Супоя (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 297), расположенным в противоположенном направлении от Переяславля. Очевидно, залеский хронист при реконструкции похода Ольговичей опирался на сведения о других половецких вторжениях в Посулье, а также взятии Устья в

тысяцкого Давыда Ярославича и Станислава Доброго Тудковича¹⁵⁷. Не ясно, идет ли речь о том самом тысяцком, возглавлявшем лучшую дружину князей Владимировичей¹⁵⁸, или хронист, подводя итог боевым потерям, упоминал так же пленных из числа остальных воинов князей Владимировичей¹⁵⁹. Ведь пока их лучшая дружина воевала с половцами, Владимировичи с прочими войсками так же потерпели поражение от Ольговичей; князья Ярополк, Вячеслав, Юрий и Андрей Владимировичи, видя свои полки «възмятены» - в смятении¹⁶⁰ (из-за потери координации в связи с утратой стяга главы коалиции - киевского князя Ярополка? – М. Н.)¹⁶¹ были вынуждены до возвращения

конце прошлого века (Ольговичи, как видно из описания сражения на Супое, пользовались военной поддержкой половцев). При этом, летописец Северо-Восточной Руси явно давал понять, что не поддерживал князей Владимировичей в их конфликте с Ольговичами, вставив не то по отношению к обеим враждующим сторонам, не то в адрес одних Владимировичей, горький упрек в «немалой» «крамоле» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 304). В этой связи, не следует исключать, что залеский книжник сделал также значительно меньшую по объему вставку про «киевского» тысяцкого. Другое дело, что позднее появление этого «пояснения» о тысяцком твердо обосновать невозможно, а можно разве что предполагать (Вилкул Т. Л. О происхождении общего текста... С. 135. Примеч. 54). В этой связи нам кажется наиболее корректным упомянуть этого тысяцкого как киевского под знаком вопроса.

¹⁵⁷ПСРЛ. Т. 2. Стб. 298.

¹⁵⁸Толочко П. П. Власть в Древней Руси X–XIII вв. С. 117; Кучкин В. А. Тысяцкие в Киевском княжестве в XI–XIII вв. С. 11.

¹⁵⁹К подобной оценке, вероятно, склонился Ю. А. Полуэктов, усмотревший в данном летописном рассказе сообщение о двух тысяцких – киевском и переяславском (Полуэктов Ю. А. Институт тысяцких и военная организация Древней Руси (XI–XIII вв.) С. 3).

¹⁶⁰Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. М., 1975. С. 298. См. «возмясти», «возмястися».

¹⁶¹С. М. Соловьев почему-то утверждал, что стяг был оставлен Ярополком уже «въ бѣгствѣ» (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1. Т. 2. Стб. 371. Примеч. 1). Впрочем, ни о каком суматошном бегстве Владимировичей с поля боя источники не сообщают. Как и о преследовании их со стороны Ольговичей. Скорее всего, Ольговичи после «лютого» сражения, в ходе которого по оценке киевского летописца, «мнози от» обеих сторон «падаху» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 298)

лучшей дружины уйти «въ свояси»¹⁶². И надо отметить, что именно в ходе этой «лютой брани» Владимировичей с Ольговичами, случившейся во время отсутствия лучшей дружины Владимировичей, в плен к Ольговичам попало много киевских бояр. В этом бою в числе многих воинов князей Владимировичей¹⁶³ погиб внук Владимира

фактически не стали их преследовать, а ограничились тем, что дождались и заманили в плен их лучшую дружину. Ольговичи одержали победу в сражении на Супое: они удержали за собой поле боя, а киевский князь в дальнейшем избегал с ними крупных сражений и в начале 1136 г. пошел на территориальные уступки (там же. Стб. 299). Можно согласиться с емкой оценкой новгородского хрониста результатов этого сражения: «и поможе Богъ Ольговицу с черниговчи» (НЛ. С. 23). Выражение «и поможе Богъ» в древнерусских источниках часто упоминалось для обозначения победившей стороны. В то же время, стоит отметить, что продолжение войны между Ольговичами и Владимировичами летом 1135 г. после зимнего примирения по-видимому было вызвано посадением киевским князем Ярополком Владимировичем на княжение в Переяславле своего брата Андрея (это событие киевским хронистом отмечено дважды, второй раз – перед упоминанием о возобновлении Ольговичами военных действий, начавшихся с трехдневной осады Переяславля (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 297)). Однако, победив в сражении на Супое, Ольговичи не добились свержения нового переяславского князя и потом не вывигали таких требований. Поэтому не стоит преувеличивать масштаб их победы, домысливая бегство войск Владимировичей с поля боя, в ходе которого якобы был утерян киевский стяг. Между тем, на Руси бывали случаи, когда потеря знамени приводила к смятению и поражению войска. Осенью 1467 г. под Рязанью большеордынские татары подрубили у рязанцев древко знамени и те пришли в замешательство и побежали. 27 июля 1471 г. на р. Шиленьге великокняжеская рать, захватив стяг у самого крупного неприятельского отряда, решила исход сражения с новгородской ратью. Вероятно, причиной смятения и отступления войск князей Владимировичей в августе 1135 г. на р. Супое тоже послужила потеря стяга.

¹⁶²ПСРЛ. Т. 2. Стб. 298.

¹⁶³Киевский хронист отметил, что в этой лютой «брани» «мнози от» обеих сторон «падаху» (там же). По словам НЛ, «Ольговиц» и «черниговчи» «многы кыяны исеце» (НЛ. С. 23). Не ясно, от какой из сторон новгородцы в большей мере получали сведения о сражении. Их призывали воевать и киевский и черниговский князья. А сами

Мономаха, Василько «Леонович» «Маричич», известие о гибели которого потом повторяется ниже, после сообщения о пленении лучшей дружины и перечисления пленников¹⁶⁴. А причину гибели Васильки летописец пояснил так: «многы бо баше [в бою Владимировичей с Ольговичами] бояре киевские изоимали»¹⁶⁵. Таким образом, при перечислении пленников хронист имел основание упоминать не только княжеских бояр из лучшей дружины Владимировичей. И не ясно, какой из тысяцких князей Владимировичей – командир лучшей дружины, или какой-то другой, оставшийся вместе с князьями Владимировичами – фигурирует в числе пленных как тысяцкий Давыд Ярославич. А также неизвестно, в каком отряде прежде воевал другой пленный боярин, Станислав Тудкович по прозвищу Добрый,

новгородцы безуспешно пытались их примирить (Там же).

¹⁶⁴ПСРЛ. Т. 2. Стб. 298. Т. Л. Вилкул предполагает, что первое упоминание данного лица является сравнительно поздней вставкой: «сводчик, по-видимому, не смог идентифицировать этого персонажа, т.к. в одной записи он выступает с патронимом, а в другой – с матронимом» (*Вилкул Т. Л. О происхождении общего текста... С. 135*). Однако, эти соображения совершенно излишни: сына Лже-Льва (Леона) Диогена и дочери Владимира Мономаха Марии, который только на Руси официально признавался «царевичем», не могли ни с кем перепутать. Летописец, правильно указавший принятые на Руси титул и отчество Васильки (настоящее имя его отца-самозванца осталось неизвестным), не мог не знать, что тот являлся внуком Владимира Мономаха, сыном его дочери Марии. Да и вообще, тот факт, что некоторые лица вроде внебрачного сына Ярослава Осмомысла Олега «Настасьевича» и сыновей Марфы Борецкой Дмитрия и Федора «Марфиных» упоминались в источниках то с матронимами, то без них, не приводит ни одного серьезного историка к далекоидущим выводам, что их с кем-то путали. Ту же Т. Л. Вилкул не смущает, что одни и те же киевские князья иногда фигурируют с отчествами, а иногда без них, в том числе в одном и том же летописном рассказе.

¹⁶⁵ПСРЛ. Т. 2. Стб. 298. Трудно в этой связи согласиться с А. А. Горским, что лучшая дружина отождествлялась летописцем с этими киевскими боярами (*Горский А. А. Древнерусская дружина. С. 39*).

в составе лучшей дружины, или в одном из остальных «полков» князей Владимировичей. Другое дело, что лучшая дружина князей Владимировичей – некий тысяцкий и бояре Владимировичей – определенно попала в плен к Ольговичам. Ее дальнейшая судьба неизвестна. Ниже киевский хронист сообщает о возвращении в Киев князя Ярополка Владимировича с братьями и резюмирует, что это «сдѣяся» 8 августа¹⁶⁶. Обычно эту дату привязывают к неудачному для Владимировичей и их лучшей дружины сражению на р. Супой, но ее так же можно отнести уже ко дню приезда киевского князя с братьями в Киев.

Под 6646 г. (1138) г. в НЛ понятие «лучшие мужи» употреблено в значении дружинников князя Святослава Ольговича, находившихся при его супруге, которых новгородцы «прияша» весной наряду с ней у себя в городе, а потом (уже явно отдельно от них) ее содержали в женском Варваринском монастыре: «Въ то же лѣто выгнаша князя Святослава, сына Ольгова, из Новагорода, мѣсяця априля 17, въ неделю 3 по пасцѣ, сѣдевша 2 лѣта бес трии мѣсяць. Томъ же лѣтѣ слашася по Гюргя Володимириця Суждалю; а въ 23 того мѣсяця пополошишася людье: сългаша бо, яко Святопѣлкъ у города съ плъсковици; и высушася всь городъ къ Сильнищю, и не бы ничтоже, а Святославлюю прияша Новѣгородѣ съ лучшими мужи, а самого Святослава яша на пути смолняне и стрѣжахуть его на Смядинѣ въ манастыри, якоже и жену его Новегородѣ у святое Варвары въ манастыри, жидуше оправы Яропѣлку съ Всѣволодомъ»¹⁶⁷. Надо думать, что речь идет о той самой некой новгородке, на которой князь Святослав Ольгович женился в Новгороде, против воли новгородского духовенства, поручив совершить обряд венчания собственным попом на территории княжеского двора в Никольской церкви (нын. Николо-Дворищенский собор). Укрытие ее в стенах женской обители, очевидно, обеспечивало

ей \\\неприкосновенность во время княжеских усобиц. Самого Святослава также держали в Смоленске в монастыре.

В сходном значении «лутшии мужи» фигурируют в Ипатьевской летописи под 6798 (1288/1289)¹⁶⁸ г. в качестве людей польского князя Генриха Вроцлавского. При этом хронист их называет немцами и сообщает, что князь пообещал им дать подарки и земли за успешную службу: «По Лѣстьцѣ же сѣде во Краковѣ Болеславъ Сомовитовичъ, брат Кондратовъ. И пришедъ Индрихъ князь Воротѣславский, выгна и, хотя самъ княжити. Болеслав же, совокупивъ рать свою и братью свою Кондрата и Локотка, поидоша на Андриха Кракову. Индрих же не стерпѣ прихода ихъ и выѣха вѣнь до Воротѣславля, а засаду свою посади во Краковѣ: нѣмцѣ, лутшии свои мужѣ, обѣщався имъ дарми великими и волостями, меа самѣхъ води ко кресту, какъ бы не передати города Болеславу. Они же цѣловаше, рекуще: «Можемъ головы свои за тя сложити, а не передадимъ городъ». Индрихъ же и кормъ имъ остави до изобилья»¹⁶⁹. Таким образом, речь идет о знатных иноземцах на службе польского князя.

Под 6785 (1277/1278) в том же источнике сообщается, что во время зимнего литовского похода князя Мстислав Данилович Луцкий и Юрий (сын Льва Даниловича Галицкого, участвовавший в этом походе по воле отца), встав на ночлег по пути к Гродно в отдалении от Волковыска, «посласта лутшѣи своѣ бояре и слуги»¹⁷⁰ во главе с галицким воеводой Тюимой (Туймой)¹⁷¹ разорять окрестности. Другое дело, что, несмотря на то, что термин «лутшѣи» употреблен волынским хронистом по отношению к княжеским боярам, не

¹⁶⁸Обоснования датировки см: *Грушевський М. С. Хронологія подій галицько-волинського літопису // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Т. 41. Львів, 1901. С. 59–60.*

¹⁶⁹ПСРЛ. Т. 2. Стб. 934.

¹⁷⁰Там же. Стб. 877.

¹⁷¹«Тюима (Туйма) – галицкий воевода, упоминается так жк под 6789 (1281) и 6790 (1282) гг.» (БЛДР. Т. 5. СПб., 1997. С. 512. (Комментарий О. П. Лихачевой)).

¹⁶⁶ПСРЛ. Т. 2. Стб. 299.

¹⁶⁷НЛ. С. 25.

исключено, что он означал не знатнейших, а просто лучших княжеских бояр, которым их князья поручили осуществить ночную грабительскую вылазку и ради освобождения из плена которых отказались от взятия города (Волковыска)¹⁷². Бояре и слуги не вполне оправдали надежды князей – сделав свое дело, они не вернулись к войску, а улеглись ночевать «тамо», «на сѣле», сняв доспехи и не выставив «сторожу», в ту же ночь были застигнуты защитниками Волковыйска – пруссами и бартами, «всѣ» избиты, а «другиѣ» (кто был «избит» не до смерти¹⁷³, и / или не смог бежать¹⁷⁴)

¹⁷²В летописи название города прямо не указано. В историографии встречается мнение, что в данном летописном известии подразумевалась осада Гродно, к которому двигались русские войска от Берестя (Бреста) мимо Волковыска (см. напр: *Кибинь А. С. Русско-литовское пограничье в 70-90-х гг. XIII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 10 (36). Ч. 1. 2013. С. 91*). Впрочем, это точка зрения не является единственной. Так, по словам Т. Баранукасаса, события разворачивались «у Волковыска» (*Баранукасас Т. Новогрудок в XIII в.: история и миф // Castrum, urbis et bellum: сб. навуц. прац. Барановічы, 2002. С. 38*). Мы тоже полагаем, что в летописи шла речь о Волковыске. Стоит отметить, что лагерь русского войска привязан летописцем именно к Волковыску, а не к Гродно, которое от Волковыска отделяет расстояние около 90 км. Между тем, за ночь лучшие княжеские бояре и слуги успели отъехать из лагеря и, пограбив округу, лечь спать, а некий перебежчик – добраться от них до города и сообщить его защитникам о расположении русского отряда, а пруссы и барты – прибыть из города в село, где ночевал последний, избить его и некоторых бояр и слуг захватить в плен (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 877). Таким образом, именно Волковыск являлся тем самым летописным «городом», в котором находились в плену русские княжеские бояре и слуги и от взятия которого отказались русские князья ради освобождения своих бояр.

¹⁷³О. П. Лихачева перевела это слово как «перебили» (БЛДР. Т. 5. 311). Однако, оно имело в древнерусском языке разные значения. Иногда оно действительно относилось к убийству (вспомним упомянутых выше избитых Ярославом новгородских нарочитых мужей, которых ему потом было не воскресить). В данном случае мы тоже не можем исключить, что некоторые лучшие бояре и слуги были избиты насмерть. Но часть избитых была взята в плен и потом освобождена,

попали в плен, а воеводу Туйму пруссы и барты «на санехъ везоша, бе бо ранень велми»¹⁷⁵. В дальнейшем в ходе осады города князья договорились с горожанами, что не будут брать город, если получат назад своих бояр. Обе стороны сдержали свое слово. Горожане отпустили княжеских бояр, а князья, забрав «бояры своѣ», больше ничего не сделали городу и тако «возвратишася восвояси»¹⁷⁶.

Не исключено, что термин «лучшие» и в других случаях иногда употреблялся в древнерусских источниках по отношению к людям не для обозначения знатности, а в виде качественной характеристики – лучших воинов, дипломатов и т. д.

Так, под 6505 (997 г.) в ПВЛ так же фигурируют «лучшиѣ мужи» печенегов, которых печенеги выбрали для участия в посольстве в Белгород: «Горожане же рѣша, шедше к печенѣгомъ: «Поимете к собѣ таль нашъ, а вы поидѣте до 10 мужъ въ градъ и видите, что ся дѣеть въ градѣ нашемъ». Печенѣзи же радѣ бывше, мняще, яко хотять ся передати, а сами избраша лучшиѣ мужи въ городехъ / родехъ¹⁷⁷ и послаша въ град, да розъглядають в городѣ, что ся дѣеть»¹⁷⁸. Отметим, что М. Б. Свердлов был не уверен, что в данном случае этот термин обозначал печенежскую знать, и написал о таком его значении в форме предположения¹⁷⁹. Сомнения ученого справедливы: если считать верным чтение

несомненно, включая тяжело раненного командира Туйму, который, как отметила сама исследовательница (там же. С. 512), потом упоминался в качестве галицкого воеводы в 1281 и 1282 гг.

¹⁷⁴Человек Мстислава Луцкого по имени Ратислав, принесший на другой день эту весть русским князьям, (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 877), каким-то образом избежал плена, или бежал из плена.

¹⁷⁵Там же.

¹⁷⁶Там же. Стб. 878.

¹⁷⁷Во всех списках ПВЛ читается «городехъ». Но публикаторы памятника исправляют по относительно поздним Новгородской IV и Софийской I летописям.

¹⁷⁸ПВЛ. С. 57.

¹⁷⁹Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... С. 89.

не «мужи в городехъ», а «мужи в родехъ»¹⁸⁰ – семьях¹⁸¹, то, скорее всего, «лучьшиѣ» – это не буквальное обозначение знати, а качественная характеристика самых лучших членов своих семей как наиболее подходящих для дипломатической миссии. (При этом не стоит исключать, что *de facto* речь шла об авторитетной племенной верхушке¹⁸². Однако, настаивать на такой трактовке тоже не следует. Выше мы отмечали, что древнерусские летописцы не проявляли пристального внимания к социальной иерархии и титулатуре половцев, с которыми князья Руси имели более тесные контакты, чем с печенегами. Не ясно, имело ли для киевского хрониста общественное положение отправленных в Белгород 10 печенежских послов большее значение, чем неуказанный в ПВЛ социальный статус Итларя, возглавлявшего половецкое посольство в Переяславль к самому князю Владимиру Мономаху).

Вероятно, в подобном значении в том же источнике под 6496 (988 г.) упомянуты «мужѣ лучьшиѣ» от словен, кривичей, чуди и вятичей, которых киевский князь Владимир «поча нарубати», а затем населил ими свои новые южнорусские города «И рече Володимерь: «Се не добро, еже малъ городъ около Києва». И нача ставити городы по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ. И поча нарубати мужѣ лучьшиѣ от словенъ, и от кривичъ, и от чюдии, и от вятичъ, и от сихъ насели грады; бѣ бо рать от печенѣгъ. И бѣ воюяся с ними и одоляя имь»¹⁸³.

¹⁸⁰Обоснование см.: БЛДР. Т. 1. С. 506. (Комментарий О. В. Творогова).

¹⁸¹Наличие у печенегов разных этнополитических общностей как у восточных славян, а также одновременное существование более одного «печенежского князя» в древнерусских источниках не прослеживается. Поэтому «роды» в данном случае, скорее всего, представляли собой семьи, а не разные народности, племена.

¹⁸²Скобелев А. В. «Люди» в системе социальных связей... С. 98.

¹⁸³ПВЛ. С. 54.

(В данном случае мы опять же, равно как и М. Б. Свердлов¹⁸⁴, предпочитаем опираться на относительно грамотный текст ПВЛ, а не аналогичное известие НЛ мл. Стоит отметить, что текст НЛ не только отличается нехарактерными для киевского летописания и типичными для древненовгородского диалекта примерами цоканья (кривиць, вятиць), но и содержит несколько сомнительные чтения «порубати» (арестовать, заточить в поруб)¹⁸⁵, вместо «нарубати» – мобилизовать на войну и «и от всѣх градъ»¹⁸⁶ вместо «от сихъ насели грады». Эти расхождения определенно возникли при не очень внимательном переписывании новгородскими книжниками киевского источника. Новгородский хронист невольно исказил смысл рассказа: Владимир будто бы строил на юге Руси крепости для того, чтобы в виду войны с печенегами превратить их в тюрьмы для жителей иных областей Руси и всех городов. Остается только гадать, как это могло способствовать победе над кочевниками. Следует отдать предпочтение более вразумительной версии ПВЛ о мобилизации этих мужчин на войну с печенегами, о заселении ими новых южнорусских крепостей. В остальном текст сообщения НЛ мл. аналогичен ПВЛ и не демонстрирует заимствований из какого-то уникального, предшествующего ПВЛ киевского источника).

М. Б. Свердлов полагает, что речь шла о переселенной Владимиром знати¹⁸⁷. Такая версия является вполне релевантной. Также не стоит исключать, что речь в данном случае шла о лучших воинах вне зависимости от социального статуса, представлявших собой основную военную

¹⁸⁴Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... С. 89, 270.

¹⁸⁵Примеры употребления в источниках см.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 17. М., 1991. С. 135.

¹⁸⁶НЛ. С. 57.

¹⁸⁷Свердлов М. Б. 1) Генезис и структура... С. 41; 2) Домонгольская Русь... С. 89, 270.

силу в новых крепостях во время войны с кочевниками¹⁸⁸.

Под 6660 (1152) г. в киевском летописании сообщается, что киевский князь Изяслав Мстиславич собрал на войну с галицким князем Владимиром Володаревичем свою дружину, взял с собой полк другого киевского князя Вячеслава Владимировича, всех черных клобуков, лучших киевлян («кияны лутшии») «и всю Рускую дружину»¹⁸⁹. Как мы видим, «кияне лутшии» не относились к дружине ни одного из двух киевских князей¹⁹⁰. Не ясно, представляли ли они собой городскую знать, или в данном случае опять же шла речь просто о лучших воинах из числа горожан.

Под 6742 (1234) г. в НЛ упоминаются лучшие немцы, павшие в сражении с новгородцами у р. Омовжи: «и поможе Богъ князю Ярославу съ

новгородьци и биша я и до рѣкы и паде ту лучьшихъ нѣмецъ нѣколико; и яко бывши на рѣче Омовыжи нѣмци и ту обломишася истопѣ ихъ много»¹⁹¹. Опять же не ясно, имеются ли в виду знатнейшие немцы или так были названы просто самые лучшие ливонские рыцари, храбро сражавшиеся и ценой своей жизни не давшие себя оттеснить на хрупкий лед реки; многие из тех немцев, которые были вытеснены на речной лед, провалились под него. Считается, что именно этот эпизод взял за основу кинорежиссер С. М. Эйзенштейн для такого финала Ледового побоища 1242 г. в фильме «Александр Невский». Хотя на самом деле исследователями новгородских источников о Ледовом побоище давно отмечен тот факт, что подробность о том, что после сражения в ходе преследования русскими войсками ливонцев по льду «иных» немцев «вода потопи», появилась в поздних новгородских источниках о Ледовом побоище¹⁹².

В 6772 (1264/65) г. согласно НЛ по поручению новгородцев посадничий сын и «лучшии бояре» ездили в Тверь приглашать на новгородское княжение Ярослава Ярославича. Их миссия увенчалась успехом – 27 января 1265 г. Ярослав Ярославич вокняжился в Новгороде¹⁹³. Не ясно, что в данном случае означало выражение «лучшии бояре» – знатнейшие бояре, или лучше всего подходящие для выполнения этой миссии. Последнее нельзя исключать – посольство возглавлял посадничий сын, а не сам посадник. Поэтому, скорее всего новгородцы прежде всего стремились послать в Тверь наиболее подходящих людей, а не просто продемонстрировать кандидату на новгородское княжение цвет своего боярства.

¹⁸⁸ Аналогичное мнение высказал В. В. Пузанов (*Пузанов В. В. Древнерусская государственность...* С. 568). С Пузановым не согласился А. В. Скобелев, поддержавший точку зрения М. Б. Свердлова (*Скобелев А. В. «Люди» в системе социальных связей...* С. 97-98). В пользу понимания лучших мужей как лучших воинов, вероятно, свидетельствует тот факт, что в процитированном выше летописном рассказе они одни упомянуты в качестве защитников городов во время войны печенегами. С другой стороны, лапидарный характер летописного известия не дает основания для однозначных выводов. Не исключено, что для киевского хрониста было важнее записать о постройке новых городов и депортации в них знатных мужей из иных восточнославянских и финноугорских земель, а не объяснить, чьими силами одержали победу над печенегами.

¹⁸⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 446.

¹⁹⁰ В этой связи едва ли верно считать киевлян частью «Руской дружины» (ср: *Поляков А. Н. Дружина в Древней Руси // Вестник Оренбургского государственного университета. № 2 (108). 2010. С. 42*) Ниже летописец характеризует войска Изяслава Мстиславича и венгерского короля как состоящие из «воев» и «дружины». А не из одной дружины (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 449). Под «всей Руской дружиной» помимо дружин обоих киевских князей и, возможно, «Черных клобуков», вероятно подразумевалась часть дружины посаженного в Переяславле сына Изяслава Мстиславича, Мстислава. Мстислав тоже участвовал в этой кампании, но шел с венгерским королем (там же. Стб. 446) Гезой II.

¹⁹¹ НЛ. С. 78.

¹⁹² *Бегунов Ю. К., Клейнберг И. Э., Шаскольский И. П. Письменные источники о Ледовом побоище // Ледовое побоище 1242 года. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.–Л., 1966. С. 188–189.*

¹⁹³ НЛ. С. 84. Обоснование датировок см. *Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 272.*

По словам М. Б. Свердлова, «понятие» «лучшие мужи» сохранялось в качестве «названия знатных людей» в «русской социальной терминологии XI–XIII в.»¹⁹⁴. Проведенный выше анализ употребления его в русских источниках подтверждает этот важный вывод знаменитого петербургского исследователя средневековой Руси. При этом стоит отметить, что в XIII в. термин «лучшие» уже почти не упоминался по отношению к русской знати (только два раза применялся к новгородским боярам и княжеским боярам Юго-Западной Руси), а также дважды употреблялся применительно к иноземцам. При этом, в трех случаях из четырех он, возможно, характеризовал не знатность этих лиц, а их воинские / дипломатические качества. Вероятно, в это время он уже практически выходит на Русь из употребления в качестве обозначения элиты¹⁹⁵.

¹⁹⁴Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... С. 90.

¹⁹⁵Пожалуй, после XIII ст. в русских источниках нет однозначных примеров его упоминания в подобном значении. В XIV – XV вв. данный термин использовался для обозначения небоярских городских слоев, верхушки ремесленников (ПСРЛ. М., 2004. Т. 25. С. 211, 292) или лучших княжеских людей, не из числа бояр (там же. С. 246). Упоминания новгородских лучших мужей рубежа 1460–70 гг. в московской летописной повести о новгородцах и владыке Феофиле иногда почему-то переводят как «знатных» и интерпретируют как «бояр и житых» (БЛДР. Т. 7. СПб., 1999. С. 287, 289, 524. (Перевод В. В. Колесова, комментарии Я. С. Лурье)). Однако, не все списки этой повести содержат чтения, безусловно соответствующие подобным трактовкам. Например, в опубликованном в данном издании отрывке Музейного сборника рубежа XV–XVI вв. читаем: «старии посадници, и тысяцкие, и лучшие люди, также и житии люди» (там же. С. 288) Аналогичные чтения содержатся в Вологодско-Пермской и Никаноровской летописях, в которых отразился московский великокняжеский летописный свод 1472 г. (ПСРЛ. Т. 26. М.–Л., 1959. С. 231; ПСРЛ. Т. 27. М.–Л., 1962. С. 130). Таким образом, новгородские лучшие люди противопоставлены не только житым, но и представителям боярства – посадникам и тысяцким, которые определенно были знатными людьми. Возможно, лучшие люди в данном случае – бояре, не занимавшие должности посадника и тысяцкого. Но не исключено, что речь шла опять же городской ремесленной верхушке, которая в отличие от упомянутой в той же московской

Таким образом, можно заключить, что термин «нарочитые» в X–XI вв. применительно к представителям элиты, по-видимому, строго обозначал местную неслужилую знать. И однозначные употребления этого слова по отношению к людям в иных значениях относятся к более позднему времени, когда этот термин уже перестал применяться в древнерусских источниках для обозначения знати. В дальнейшем этот термин, вероятно, уступил место лексеме «боярин», которая с XII в. стала обозначать не только верхушку княжеской дружины, но и городскую элиту. Стоит отметить, что значительная часть известий ПВЛ, в которых упоминаются нарочитые мужи, имеет черты относительно раннего происхождения. В то же время аналогичные известия НЛ мл. содержат неудачные чтения и не имеют однозначных признаков использования отличного от ПВЛ и предшествующего ей по времени киевского источника. Мы далеки от мысли, что это сколько-нибудь дискредитирует концепцию существования гипотетического Начального свода 90-х гг. XI ст., а тем более дает основание бездоказательно обвинять разделяющих ее исследователей в «спекуляциях»¹⁹⁶. Другое дело, что следует внимательно анализировать все аналогичные ПВЛ известия НЛ мл., прежде чем ссылаться на них как на первоисточник.

Также стоит иметь в виду, что термин «лучшие мужи» иногда был синонимичен «нарочитым мужам» и употреблялся по отношению к неслужилой знати, но в то же время в некоторых случаях применялся к княжеским людям, а иногда, вероятно, использовался в виде качественной характеристики лучших воинов и дипломатов.

летописной повести безыменитых мужиков, тяготела к сохранению связей с Москвой.

¹⁹⁶Ср: Вилкул Т. Л. Новгородская I летопись и начальный свод // Palaeoslavica. Vol. XI. 2003. 35.

Библиография

Источники:

- Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997.
Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб., 1997.
Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. СПб., 1999.
Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.–Л., 1949.
Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976.
Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.
Новгородская I летопись. Берлинский список. СПб., 2010.
Повесть временных лет. СПб., 1996.
ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997.
ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908.
ПСРЛ. Т. 3. Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Новгородская IV летопись. М., 2000.
ПСРЛ. Т. 7. Воскресенская летопись. СПб., 1856.
ПСРЛ. Т. 16. Летопись Авраамки. СПб., 1889.
ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М., 2004.
ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.–Л., 1959.
ПСРЛ. Т. 27. Никоноровская летопись. М.–Л., 1962.
Тихомиров М. Н. Пособие по изучению Русской Правды. М., 1953.
Georgii Monachi Chronicon. Vol. 1. Leipzig, 1904.

Литература:

- Абрамович Г. В.* К вопросу о критериях раннего феодализма на Руси и стадийности его перехода в развитый феодализм // ИСССР. № 2. 1981.
Алексеев Л. В. Смоленская земля в XI–XIII вв. М., 1980.
Алешковский М. Х. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971.
Андреев В. Ф. Северный страж Руси. Л., 1989.
Баранукас Т. Новогрудок в XIII в.: история и миф // *Castrum, urbis et bellum: сб. навуц. прац. Барановічы, 2002.*
Бегунов Ю. К., Клейненберг И. Э., Шаскольский И. П. Письменные источники о Ледовом побоище // Ледовое побоище 1242 года. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.–Л., 1966.
Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.
Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978.
Вилкул Т. Л. Новгородская I летопись и начальный свод // *Palaeoslavica. Vol. XI. 2003.*
Вилкул Т. Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII в. (предварительные заметки) // *Palaeoslavica. Vol. XIII. № 1. 2005.*
Вілкул Т. Л. Літопис і хронограф. Студії з домонгольського київського літописання. Київ, 2015.
Вілкул Т. Л. Нові біблійні запозичення у Повісті временних літ: книги пророків // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 15. Київ, 2015.
Вовина-Лебедева В. Г. Угасший мир древнерусских летописей: взгляд сегодня // Российская история. № 4. 2019.
Гиппиус А. А. Рекоша дружина Игореві: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // *Russian Linguistics. Vol. 25. № 2. 2001.*
Гиппиус А. А. Рекоша дружина Игореві...-3. Ответ О. Б. Страховой (Еще раз о лингвистической стратификации Начальной летописи) // *Palaeoslavica. Vol. XVII. № 2. 2009.*
Горovenko A. B. Алексей Шахматов: человек-метод или прелюбодей мысли? // *Novogardia. № 2 (6). 2020.*
Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989.

- Горский А. А.* О «племенной знати» и «племенах» у славян // *Florilegium*. К 60-летию Б. Н. Флори. М., 2000.
- Горский А. А.* Русь от славянского расселения до Московского царства М., 2004.
- Грушевський М. С.* Хронологія подій галицько-волинського літопису // *Записки Наукового товариства імені Шевченка*. Т. 41. Львів, 1901.
- Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Київ, 1992.
- Губарев О. Л.* К дискуссии о племенных союзах и политогенезе восточных славян до Рюрика // *Novogardia*. № 2 (6). 2020.
- Гупало К. Н.* Подол в древнем Киеве. Киев, 1982.
- Дашкевич Н. П.* Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873.
- Зайцев А. К.* Черниговское княжество X–XIII вв. М., 2009.
- Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 2004.
- Зиборов В. К.* История русского летописания XI–XVIII вв.: Учеб. пособ. СПб., 2002.
- Зимин А. А.* Правда Руская. М., 1999.
- Зубрицкий Д. И.* История древнего Галичско-Русского княжества. Ч. 2. Львов, 1852.
- Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 2. СПб., 1818.
- Карпов А. В.* Язычество, христианство, двоеверие. Религиозная жизнь Древней Руси в IX–XI вв. СПб., 2008.
- Карпов А. Ю.* Княгиня Ольга. М., 2009.
- Каргер М. К.* Древний Киев Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Том 1. М.–Л., 1958.
- Кибинь А. С.* Русско-литовское пограничье в 70-90-х гг. XIII в. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. № 10 (36). Ч. 1. 2013.
- Килина Л. Ф.* Лингвотекстологическое исследование русских летописей: к постановке проблемы // *Вестник Удмуртского университета*. Вып. 2. 2010.
- Кузьмин А. Г.* Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969.
- Кучкин В. А.* Десятские Средневековой Руси // *Средневековая Русь*. Вып. V. 2006.
- Кучкин В. А.* Ранние свидетельства о сотнях и сотских // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. № 1 (23). 2006.
- Кучкин В. А.* Ранние свидетельства о сотнях и сотских. С. 10; 3) Десятские и сотские Древней Руси // *Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С.* Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008.
- Кучкин В. А.* Тысяцкие в Киевском княжестве в XI–XIII вв. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. № 3 (65). 2016.
- Кучкин В. А.* Тысяцкие в Переяславском и Смоленском княжествах в XII в. // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. № 1 (67). 2017.
- Літопис руський / Пер. з давньорус. Л. Є. Махновця; Відп. ред. О. В. Мишанич.* Київ, 1989.
- Лукин П. В.* Вече: социальный состав // *Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С.* Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008.
- Лукин П. В.* Сказание о варягах-мучениках в начальном летописании и Прологе: текстологический аспект // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. № 4 (38). 2009.
- Лукин П. В.* «Старцы» или «старшие»? О терминологии славянской «Племенной знати» // *Славяноведение*. Вып. 2. 2012.
- Лукин П. В.* Новая точка отсчета в изучении древнерусской элиты // *Российская история*. № 6. 2014.
- Лукин П. В.* Новгородское вече. М., 2014.
- Лукин П. В.* «Но преблагии Богъ не хотя смерти грѣшникомъ...»: начальное летописание об эпохе Владимира Святого и литературные параллели летописным рассказам // *Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура: материалы*

Международной научной конференции в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба, Москва, 14–16 октября 2015 г. М., 2017.

Лукин П. В. Новгородское вече. 2-е издание, переработанное и дополненное. М., 2018.

Лушин В. Г. Подвеска из Пскова, «христианские» псевдодирхамы и летописная хронология // Нумизматика Старого Света. Кн. I. Зимовники, 2016.

Лушин В. Г. 6411 (903) и 6453 (945) годы в структуре летописных датировок событий X века // Преистория. Древность. Средневековье. Исследования по истории, археологии, культуре. Сборник научных статей. Кн. I. Зимовники, 2017.

Лушин В. Г. О предгосударственных образованиях на восточнославянских землях // Историко-археологический сборник. Зимовники, 2020.

Михеев С. М. «Святополкъ съде в Киевѣ по отци»: Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках. М., 2009.

Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011.

Михеев С. М. Фармань и Поромонь дворь: Действительный и ложный скандинавизмы в новгородской ономастике // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М., 2019.

Насонов А. Н. История русского летописания XI - начала XVIII в. М., 1969.

Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001.

Несин М. А. Галицкое вече в 1187–1188 гг. // Русин. № 3 (17). 2009.

Несин М. А. Галицкое вече при Ярославе Осмомысле // Русин. № 1 (19). 2010.

Несин М. А. К истории происхождения Галича // Русин. № 3. (21). 2010.

Несин М. А. Галицкое вече и Даниил Галицкий в 1205–1209 гг. // Русин. № 2 (25). 2011.

Несин М. А. Галицкое вече в 1235–1240-х гг. // Русин. № 4 (30). 2012.

Несин М. А. Галицкое вече и Роман Галицкий // Русин. № 2 (32). 2013.

Несин М. А. Языческие выступления в Северо-Восточной Руси // Актуальные проблемы социальных и гуманитарных наук. № 1-2. 2014.

Несин М. А. Борьба за Смоленск в XV веке // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV–XVII вв. Ч. I. 2015.

Несин М. А. Некоторые черты социальной трансформации в X–XI вв. в восточнославянском обществе в летописной социальной терминологии // Исторический формат. № 2. 2015.

Несин М. А. Первая монография о новгородском вече // Valla. Т. 2. № 3. 2016.

Несин М. А. Дети боярские в Новгороде XIV–XV вв. по материалам новгородского летописания // Valla. Т. 2. № 4-5. 2016.

Несин М. А. Северо-Восточная Русь при монголах // Valla. Т. 2. 6. 2016.

Несин М. А. О двух новых монографиях, посвященных новгородским источникам // Valla. Т. 3. № 6. 2017.

Несин М. А. Новгородские житьи люди в XV в. и их участие в войнах и внешней политике Великого Новгорода в XV в. Часть 1. От рубежа XIV–XV вв. до второй половины 1471 г. // История военного дела: исследования и источники. Т. VIII. 2016.

Несин М. А. Институт новгородских тысяцких в XII–XV вв. диссертация на соискательство ученой степени кандидата исторических наук. Воронеж, 2018.

Несин М. А. Тысяцкие как воеводы и часть городского самоуправления // Город Средневековья и Раннего Нового времени VI: Археология, история. Тула, 2018.

Пацито В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

Петров А. В. От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб., 2003.

Печников М. В. Новгородский святитель Нифонт, княжеская власть и киевская митрополия (30-50-е гг. XII в.) // Вестник церковной истории. № 3-4 (47-48). 2017.

Платонова Н. И. Древнерусские погосты — новая старая проблема // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012.

Полужетов Ю. А. Институт тысяцких и военная организация Древней Руси (XI–XIII вв.) // Para-Bellum. Вып. № 14. 2001.

Поппэ А. В. А. А. Шахматов и спорные начала русского летописания // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (33). 2008.

Пузанов В. В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007.

Рапов О. М. О датировке народных восстаний на Руси XI в. в Повести временных лет // История СССР. № 2. 1979.

Рыбина Е. А. О двух древнейших торговых договорах Новгорода // Новгородский исторический сборник. № 3 (18). 1989.

Сафроненко К. А. Общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси. М., 1955.

Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.

Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб., 2006.

Скобелев А. В. «Люди» в системе социальных связей восточнославянского общества VI - первой трети XIII в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ижевск, 2010.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. Т. 5. М., 2002.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. М., 1975.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10. М., 1983.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 17. М., 1991.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. М., 1997.

Соловьев С. М. Даниил Романович, король Галицкий // Современник. Т. 1. Отд. 2. 1847.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1. Т. 2. СПб., 1851.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Том второй. Л–П. СПб., 1902.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Том третий. Р–Я. СПб., 1910.

Стефанович П. С. Отношения князя и знати в Галицком и Волынском княжествах до конца XII в. // Средневековая Русь. Вып. 7. М., 2007.

Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины. Военно-политическая элита Руси в X–XI веках. М., 2012.

Стефанович П. С. Древлянская дань киевским князьям // По любви, въ правдѣ, безо всякие хитрости. Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина. Сборник статей. М., 2014.

Страхова О. Б. Рекоша дружина Игорев... К статье А. А. Гиппиуса о лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Palaeoslavica. Vol. XVI. № 2. 2008.

Толочко П. П. Власть в Древней Руси X–XIII вв. СПб., 2011.

Толочко П. П. Ранняя Русь: археология и история. СПб., 2013.

Фомичев М. В., Несин М. А. Александр Невский и Литва: военно-политические отношения Северо-Восточной Руси и Литвы в 30-60 гг. XIII в. // Novogardia. № 2. 2019.

Фроянов И. Я. О событиях 945-946 гг. в древлянской земле и Киеве (в свете этнографических данных) // Историческая этнография. СПб., 1993.

Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Летопись занятий археологической комиссий. Т. 20. СПб., 1908.

Щавелев А. С. «Племена» восточных славян: этапы завоевания и степень зависимости от державы Рюриковичей в X в. // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура. М.–Вологда, 2017.

Щавелев А. С. Хронотоп державы Рюриковичей (911–987 годы). М., 2020.

Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972.

Юшков С. В. Общественный строй и право Киевского государства. М., 1949.

Юшков С. В. Русская правда. М., 1950.

Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003.

Сведения об авторе

Несин Михаил Александрович, кандидат исторических наук, ученый секретарь межрегиональной организации «Историческое сознание», г. Санкт-Петербург (Россия). Область научных интересов: история и историческая география Средневековой Руси.

E-mail: petergof-history@yandex.ru

M. A. Nesin

NAROCHITIE AND THE LUCHSHIE MUZHI OF THE X-XIII CENTURIES. ABOUT THE USE OF THESE TERMS IN ANCIENT RUS SOURCES IN RELATION TO THE NOBILITY

Annotation: This work is devoted to a comprehensive study of the use of the terms «narochitie» and «luchshie» «muzhi» in relation to the nobility of the X-XIII century. The author comes to the conclusion that the term «narochitie» was used to denote the non-servile nobility of the X-XI century and after the XI century. It was no longer used as a designation for notable people. The term «luchshie» was used in a broader sense - both in relation to non-serving nobility and princely people, and sometimes, probably, was used as a qualitative characteristic of the best soldiers and diplomats.

Keywords: M. B. Sverdlov, luchishe muzhi, narochitie muzhi, Drevlyans, družhina, non-serving nobility, boyars, The Tale of bygone years, the Initial code, the Novgorod I Chronicle

References

Sources:

Biblioteka literatury Drevnei Rusi [Library of Literature of Ancient Russia]. Vol. 1. St. Petersburg, 1997. (In Russian).

Biblioteka literatury Drevnei Rusi [Library of Literature of Ancient Russia]. Vol. 5. St. Petersburg, 1997. (In Russian).

Biblioteka literatury Drevnei Rusi [Library of Literature of Ancient Russia]. Vol. 7. St. Petersburg, 1999. (In Russian).

Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova [Acts of of Velikiy Novgorod and Pskov]. Moscow–Leningrad, 1949. (In Russian).

Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI-XV vv. [Old Russian princely charters] Moscow, 1976. (In Russian).

Konstantin Bagryanorodnyi. Ob upravlenii imperiei [On the government of the empire]. Moscow, 1991. (In Russian).

Novgorodskaya I letopis'. Berlinskii spisok [Novgorod I Chronicle. Berlin List]. St. Petersburg, 2010. (In Russian).

Povest' vremennykh let [The Tale of Bygone Years]. St. Petersburg, 1996. (In Russian).

PSRL. Vol. 1. Lavrent'evskaya letopis'. Moscow, 1997. (In Russian).

PSRL. Vol. 2. Ipat'evskaya letopis'. St. Petersburg, 1908. (In Russian).

PSRL. Vol. 3. Novgorodskaya I letopis' starshego i mladshego izvodov. Moscow, 2000. (In Russian).

PSRL. Vol. 4. Ch. 1. Novgorodskaya IV letopis'. Moscow, 2000. (In Russian).

PSRL. Vol. 7. Voskresnenskaya letopis'. St. Petersburg, 1856. (In Russian).

PSRL. Vol. 16. L etopis' Avraamki. St. Petersburg, 1889. (In Russian).

PSRL. Vol. 25. Moskovskiy letopisniy svod konca XV veka. Moscow, 2004. (In Russian).

PSRL. Vol. 26. Vologodsko-Permskaya leetopis'. Moscow-Leningrad, 1959. (In Russian).

PSRL. Vol. 27. Nikonorovskaya letopis'. Moscow-Leningrad, 1962. (In Russian).

Tikhomirov M. N. Posobie po izucheniyu Russkoi Pravdy [Handbook for the Study of Russian Truth]. Moscow, 1953. (In Russian).

Georgii Monachi Chronicon. Vol. 1. Leipzig, 1904. (In Greek).

Researches:

Abramovich G. V. K voprosu o kriteriyakh rannego feodalizma na Rusi I stadial'nosti ego perekhoda v razvitoi feodalizm [On the question of the criteria of early feudalism in Russia and the reality of its transition to developed feudalism] // *Istoriya SSSR*. No. 2. 1981. (In Russian).

Alekseev L. V. Smolenskaya zemlya v XI-XIII vv. [Smolensk land in XI-XIII centuries]. Moscow, 1980. (In Russian).

Aleshkovskii M. Kh. Povest' vremennykh let: Sud'ba literaturnogo proizvedeniya v Rossii [The Tale of Bygone Years: The Fate of a Literary Work in Russia]. Moscow, 1971. (In Russian).

Andreev V. F. Severnyj strazh Rusi [Northern guardian of Russia]. Leningrad, 1989. (In Russian).

Baranauskas T. Novogrudok v XIII v.: istoriya i mif [Novogrudok in the XIII century: history and myth]. *Castrum, urbis et bellum: sb. navuk. prac. Baranovichy*, 2002. (In Russian).

Begunov Yu. K., Kleinenberg I. E., Shaskol'skii I. P. Pis'mennye istochniki o Ledovom poboishche [Written sources about the Ice battle] // *Ledovoe poboishche 1242 goda. Trudy kompleksnoi ekspeditsii po utochneniyu mesta Ledovogo poboishcha*. Moscow-Leningrad, 1966. (In Russian).

Berejkov N. G. Hronologiya russkogo letioisaniya [Hronology of Russian annals]. Moscow, 1963. (In Russian).

Veletskaya N. N. Yazycheskaya simbolika slavyanskikh arkhaiskikh ritualov [Pagan symbolism of Slavic archaic rituals]. Moscow, 1978. (In Russian).

Vilkul T. L. Novgorodskaya I letopis' i nachal'nyi svod [Novgorod I chronicle and the initial code]. *Palaeoslavica*. Vol. XI. 2003. (In Russian).

Vilkul T. L. O proizhozhdenii obshego teksta Ipat'evskoy i Lavrent'evskoy letopisey za XII v. (predvoritel'nie zametki) [About the origin of the common text of the Ipatiev and Laurentian Chronicles for the XII century (preliminary notes)]. *Palaeoslavica*. Vol. No 2. 2005. (In Russian).

Vilkul T. L. Litopis i hronograf. Studii z domongol'skogo kiivs'kogo litopisannya [Chronicle and chronograph. Studios from the pre Mongolian Kiev Chronicle]. Kyiv, 2015. (In Ukrainian).

Vilkul T. L. Novi biblijni zapozichennya u Povisti vremennih lit: knigi prorokiv [New biblical borrowings in the tale of bygone years: the books of the prophets]. *Ukraïna v Central'no-Skhidnij Evropi*. Vip. 15. Kyiv, 2015. (In Ukrainian).

Vovina-Lebedeva V. G. Ugashii mir drevnerusskikh letopisei: vzglyad segodnya [The Extinct world of Ancient Russian chronicles: a look today]. *Rossiiskaya istoriya*. No. 4. 2019. (In Russian).

Gippius A. A. Rekosha drouzhina Igorevi: K lingvotekstologicheskoi stratifikatsii Nachal'noi letopisi [Rekosha drouzhina Igorevi: To the linguotextological stratification of the Initial Chronicle]. *Russian Linguistics*. Vol. 25. No. 2. 2001. (In Russian).

Gippius A. A. Rekosha drouzhina Igorevi...-3. Otvet O. B. Strakhovoi (Eshche raz o lingvisticheskoi stratifikatsii Nachal'noi letopisi) [Rekosha drouzhina Igorevi...-3. The answer of O. B. Strakhovaya (Once again about the linguistic stratification of the Initial Chronicle)]. *Palaeoslavica*. Vol. XVII. No. 2. 2009. (In Russian).

- Gorovenko A. V.* Aleksei Shakhmatov: chelovek-metod ili prelyubodei mysli? [Alexey Shakhmatov: a method man or an adulterer of thought]. *Novogardia*. No. 2 (6). 2020. (In Russian).
- Gorskii A. A.* Drevnerysskaya družhina [Old Rus družhina]. Moscow, 1989. (In Russian).
- Gorskii A. A.* O “plemennoi znati” i “plemenakh” u slavyan [About the “tribal nobility” and “tribes” among the Slavs]. *Florilegium*. K 60-letiyu B. N. Flori. Moscow, 2000. (In Russian).
- Gorskii A. A.* Rus' ot slavyanskogo rasseleniya do Moskovskogo tsarstva [Rus from Slavic settlement to the Moscow Kingdom]. Moscow, 2004. (In Russian).
- Grushevs'kij M. S.* Hronologiya podij galic'ko-volins'kogo litopisu [Chronology of events of the Galicia-Volyn chronicle]. *Zapiski Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka*. Vol. 41. L'viv, 1901. (In Ukrainian).
- Grushevs'kij M. S.* Istorija Ukraini-Rusi [History of Ukraine-Rus]. Vol. 2. Kyiv, 1992. (In Ukrainian).
- Gubarev O. L.* K diskussii o plemennykh soyuzakh i politogeneze vostochnykh slavyan do Rurika [On the discussion of tribal unions and the politogenesis of the Eastern Slavs before Rurik]. *Novogardia*. No. 2 (6). 2020. (In Russian).
- Gupalo K. N.* Podol v drevnem Kieve [Podol in ancient Kiev]. Kyiv, 1982. (In Russian).
- Dashkevich N. P.* Knyazhenie Daniila Galitskogo po russkim i inostrannym izvestiyam [The Reigning of Daniil Galitskiy according to Russian and foreign sources]. Kyiv, 1873. (In Russian).
- Zaitsev A. K.* Chernigovskoye knyazhestvo X-XIII vv. [Chernigov Principality in X-XIII centuries]. Moscow, 2009. (In Russian).
- Zaliznyak A. A.* Drevnenovgorodskii dialect [Ancient Novgorod dialect]. Moscow, 2004 (In Russian).
- Ziborov V. K.* Istorija russkogo letopisaniya XI–XVIII vv.: Ucheb. posob [History of Russian chronicle writing in the XI–XVIII centuries: Textbook]. St. Petersburg, 2002. (In Russian)..
- Zimin A. A.* Pravda Russkaya [Russian Truth]. Moscow, 1989. (In Russian).
- Zubrickij D. I.* Istorija drevnego Galichsko-Russkogo knyazhestva [History of the ancient Galich-Russian Principality]. Ch. 2. L'vov, 1852. (In Russian).
- Karamzin N. M.* Istorija gosudarstva Rossijskogo [History of the Russian State]. Vol. 2. St. Paterburg, 1818. (In Russian).
- Karpov A. V.* Yazychestvo, khristianstvo, dvoeverie. Religioznaya zhizn' Drevnei Rusi v IX–XI vv. [Paganism, Christianity, dual faith. Religious life of Ancient Russia in the IX–XI centuries]. St. Petersburg, 2008. (In Russian).
- Karpov A. Yu.* Knyaginya Ol'ga [Princess Olga]. Moscow, 2009. (In Russian).
- Karger M. K.* Drevnii Kiev. Ocherki po istorii material'noi kul'tury drevnerusskogo goroda [Ancient Kiev. Essays on the history of material culture of an ancient Russian city]. Vol. 1. Moscow–Leningrad, 1958. (In Russian).
- Kibin' A. S.* Russko-litovskoe pogranich'e v 70-90-h gg. XIII v. [The Russian-Lithuanian borderland in 70-90 of the XIII century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. No 10 (36). Ch. 1. 2013. (In Russian).
- Kilina L. F.* Lingvotekstologicheskoe issledovanie russkikh letopisei: k postanovke problemy [Linguo-textological research of Russian chronicles: to the formulation of the problem]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. Iss. 2. 2010. (In Russian).
- Kuz'min A. G.* Russkie letopisi kak istochnik po istorii Drevnei Rusi [Russian Chronicles as a source on the history of Ancient Russia]. Ryazan', 1969. (In Russian).
- Kuchkin V. A.* Desyatskie Srednevekovoi Rusi [Desyatskiye of Medieval Rus]. *Srednevekovaya Rus'*. Iss. V. 2006. (In Russian).
- Kuchkin V. A.* Rannie svidetel'stva o sotnyakh i sotskikh [Early evidence of sotny and sotskiye]. *Drevnyaya Rus'*. *Voprosy medievistiki*. No. 1 (23). 2006. (In Russian).

Kuchkin V. A. Desyatskie i sotskie Drevnei Rusi [Desyatskiye and sotskiye of Ancient Rus]. Gorskii A. A., Kuchkin V. A., Lukin P. V., Stefanovich P. S. Drevnyaya Rus': ocherki politicheskogo i sotsial'nogo stroya. Moscow, 2008. (In Russian).

Kuchkin V. A. Tsyatskie v Kievskom knyazhestve v XI–XIII vv. [Tsyatskiye in the Kiev Principality in the XI–XIII centuries]. Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. No. 3 (65). 2016. (In Russian).

Kuchkin V. A. Tsyatskie v Pereyaslavskom i Smolenskom knyazhestvah v XII v. [Tsyatskiye in the Pereyaslavl and Smolensk Principality in the XII century]. Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. No. 1 (67). 2017. (In Russian).

Litopis Rus'kyi [Chronicle of Rus] / Trans. from the old Russian L. E. Makhnovets; Rel. edited by O. V. Mishanich. Kiev, 1989. (In Ukrainian).

Lukin P. V. Veche: sotsial'nyi sostav [Veche: social composition]. Gorskii A. A., Kuchkin V. A., Lukin P. V., Stefanovich P. S. Drevnyaya Rus': ocherki politicheskogo i sotsial'nogo stroya. Moscow, 2008. (In Russian).

Lukin P. V. Skazanie o varyagakh-muchenikakh v nachal'nom letopisanii i Prologe: tekstologicheskii aspekt [The Legend of the Varangian martyrs in the initial chronicle and Prologue: textual aspect]. Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. No. 4 (38). 2009. (In Russian).

Lukin P. V. “Startsy” ili “Starshie”? O terminologii slavyanskoi “Plemennoi znati” [“Starcy” or “Starshie”? About the terminology of the Slavic “Tribal nobility”]. Slavyanovedenie. Iss. 2. 2012. (In Russian).

Lukin P. V. Novaya tochka otscheta v izuchenii drevnerusskoi elity [A new point of reference in the study of the Old Russian elite]. Rossiiskaya istoriya. No. 6. 2014. (In Russian).

Lukin P. V. Novgorodskoe veche [Novgorod veche]. Moscow, 2014. (In Russian).

Lukin P. V. “No preblagii Bog ne khotya smerti greshnikom...”: nachal'noe letopisanie ob epokhe Vladimira Svyatogo i literaturnye paralleli letopisnym rasskazam [“But God is most gracious and does not wish death to sinners...”: the initial chronicle of the era of Vladimir the Saint and literary parallels to chronicle stories]. Rus' epokhi Vladimira Velikogo: gosudarstvo, tserkov', kul'tura: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii v pamyat' tysyacheletiya konchiny svyatogo ravnoapostol'nogo knyazya Vladimira i muchenicheskogo podviga svyatykh knyazei Borisa i Gleba, Moskva, 14–16 oktyabrya 2015 g. Moscow, 2017. (In Russian).

Lukin P. V. Novgorodskoe veche [Novgorod veche]. 2nd edition, revised and supplemented. Moscow, 2018. (In Russian).

Lushin V. G. Podveska iz Pskova, “khristianskie” psevdodirkhamy i letopisnaya khronologiya [Pendant from Pskov, “Christian” pseudodirhams and chronology]. Numizmatika Starogo Sveta. Book I. Zimovniki, 2016. (In Russian).

Lushin V. G. 6411 (903) i 6453 (945) gody v strukture letopisnykh datirovok sobytii X veka [6411 (903) and 6453 (945) years in the structure of chronicle dating of events of the X century]. Preistoriya. Drevnost'. Srednevekov'e. Issledovaniya po istorii, arkhologii, kul'ture. Sbornik nauchnykh statei. Book I. Zimovniki, 2017. (In Russian).

Lushin V. G. O predgosudarstvennykh obrazovaniyakh na vostochnoslavyanskikh zemlyakh [On pre-state formations in the East Slavic lands]. Istoriko-arheologicheskii sbornik. Zimovniki, 2020. (In Russian).

Mikheev S. M. «Svyatopolk sede v Kieve po otsi»: Usobitsa 1015-1019 godov v drevnerusskikh i skandinavskikh istochnikakh [Svyatopolk came to Kiev by otzi": The Strife of 1015-1019 in Old Russian and Scandinavian sources]. Moscow, 2009. (In Russian).

Mikheev S. M. Kto pisal “Povest' vremennykh let”? [Who wrote “The Tale of Bygone Years”?]. Moscow, 2011. (In Russian).

Mikheev S. M. Far'man" i Poromon' dvor": Deistvitel'nyi i lozhnyi skandinavizmy v novgorodskoi onomastike [Farman and Poromon dvor: Real and false Scandinavianism in Novgorod onomastics]. U istokov i istochnikov: na mezhdunarodnykh i mezhdistsiplinarnykh putyakh. Yubileinyi sbornik v chest' Aleksandra Vasil'evicha Nazarenko. Moscow, 2019. (In Russian).

Nazarenko A. V. Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh: Mezhdistsiplinarnye ocherki kul'turnykh, torgovykh, politicheskikh svyazei IX–XII vv. [Ancient Russia on International Routes: Interdisciplinary Essays on Cultural, Trade, and Political Ties of the IX–XII centuries]. Moscow, 2001. (In Russian).

Nasonov A. N. Istoriya russkogo letopisaniya XI - nachala XVIII v. [The history of the Russian chronicle of the XI - beginning of the XVIII century]. Moscow, 1969. (In Russian).

Nesin M. A. Galitskoe veche v 1187–1188 gg. [Galician veche in 1187–1188]. Rusin. No. 3 (17). 2009. (In Russian).

Nesin M. A. Galitskoe veche pri Yaroslave Osmomysle [Galician veche under Yaroslav Osmomysl]. Rusin. No. 1 (19). 2010. (In Russian).

Nesin M. A. K istorii proiskhozhdeniya Galicha [To the history of the origin of Galich]. Rusin. Mezhdunarodnyi zhurnal. No. 3. (21). 2010. (In Russian).

Nesin M. A. Galitskoe veche i Daniil Galitskii v 1205–1209 gg. [Galician veche and Daniel Galitsky in 1205–1209]. Rusin. No. 2 (25). 2011. (In Russian).

Nesin M. A. Galitskoe veche v 1235–1240-kh gg. [Galician veche in the 1235–1240s]. Rusin. No. 4 (30). 2012. (In Russian).

Nesin M. A. Galitskoe veche i Roman Galitskii [Galician veche and Roman Galitsky]. Rusin. No. 2 (32). 2013. (In Russian).

Nesin M. A. Yazycheskie vystupleniya v Severo-Vostochnoi Rusi [Pagan performances in North-Eastern Russia]. Aktual'nye problemy sotsial'nyh i gumanitarnykh nauk. No. 1-2. 2014. (In Russian).

Nesin M. A. Bor'ba za Smolensk v XV veke [The struggle for Smolensk in the XV century]. Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. Spetsial'nyi vypusk IV. Smolenskie voiny XV–XVII vv. P. I. 2015. (In Russian).

Nesin M. A. Nekotorye cherty sotsial'noi transformatsii v X–XI vv. v vostochnoslavlyanskom obshchestve v letopisnoi sotsial'noi terminologii [Some features of social transformation in the X–XI centuries in the East Slavic society in chronicle social terminology]. Istoricheskii format. No. 2. 2015. (In Russian).

Nesin M. A. Pervaya monografiya o novgorodskom veche [The first monograph about the Novgorod Veche]. Valla. Vol. 2. No. 3. 2016. (In Russian).

Nesin M. A. Deti boyarskie v Novgorode XIV–XV vv. po materialam novgorodskogo letopisaniya [Deti boyarskie in Novgorod of the XIV–XV centuries based on the materials of the Novgorod chronicle]. Valla. Vol. 2. No. 4-5. 2016. (In Russian).

Nesin M. A. Severo-Vostochnaya Rus' pri mongolakh [North-Eastern Russia under the Mongols]. Valla. Vol. 2. No. 6. 2016. (In Russian).

Nesin M. A. O dvukh novykh monografiyakh, posvyashchennykh novgorodskim istochnikam [About two new monographs devoted to Novgorod sources]. Valla. Vol. 3. No. 6. 2017. (In Russian).

Nesin M. A. Novgorodskie zhit'i lyudi v XV v. i ikh uchastie v voynakh i vneshnei politike Velikogo Novgoroda v XV v. Chast' 1. Ot rubezha XIV–XV vv. do vtoroi poloviny 1471 g. [Novgorod lives in the XV century and their participation in the wars and foreign policy of Velikiy Novgorod in the XV century. Part 1. From the turn of the XIV–XV centuries to the second half of 1471]. Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. Vol. VIII. 2016. (In Russian).

Nesin M. A. Institut novgorodskikh tsysyatskikh v XII–XV vv. [Institute of Novgorod tsysyatskys in the XII–XV centuries]. Dissertatsiya na soiskatel'stvo uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Voronezh, 2018. (In Russian).

Nesin M. A. Tsysyatskie kak vovody i chast' gorodskogo samoupravleniya [Tsysyatskiye as voivodes and part of city self-government] // Gorod Srednevekov'ya i Rannego Novogo vremeni VI: Arkheologiya, istoriya. Tula, 2018. (In Russian).

Pashuto V. T. Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoi Rusi [Essays on the history of Galician-Volyn Rus]. Moscow, 1950. (In Russian).

Petrov A. V. Ot yazychestva k Svyatoj Rusi. Novgorodskie usobicy (k izucheniyu drevnerusskogo vechevogo uklada) [From paganism to Holy Russia. Novgorod strifes (to the study of the old Russian Veche way of life)]. St. Petersburg, 2008. (In Russian)

Pechnikov M. V. Novgorodskii svyatitel' Nifont, knyazheskaya vlast' i kievskaya mitropoliya (30–50-e gg. XII v.) [Novgorod Saint Nifont, princely power and the Kiev metropolia (30–50-ies of the XII century)] // Vestnik tserkovnoi istorii. No. 3-4 (47-48). 2017. (In Russian).

Poluektov Yu. A. Institut tsyatskikh i voennaya organizatsiya Drevnei Rusi (XI–XIII vv.) [The Tsyatsky Institute and the military organization of Ancient Russia (XI–XIII centuries)] // Para-Bellum. Iss. No. 14. 2001. (In Russian).

Platonova N. I. Drevnerusskiye pogosty — novaya staraya problema Old Rus pogosts – a new old problem] // Drevneyshiye gosudarstva Vostochnoy Yevropy. 2010 god. Predposylki i puti obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva. Moscow, 2012. (In Russian).

Poppe A. V. A. A. Shakhmatov i spornye nachala russkogo letopisaniya [Shakhmatov and the controversial beginnings of the Russian Chronicle] // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. No. 3 (33). 2008. (In Russian).

Puzanov V. V. Drevnerusskaya gosudarstvennost': genezis, etnokul'turnaya sreda, ideologicheskie konstrukty [Ancient Russian statehood: genesis, ethno-cultural environment, ideological constructs]. Izhevsk, 2007. (In Russian).

Rapov O. M. O datirovke narodnykh vosstaniy na Rusi XI v. v Povesti vremennykh let [On the dating of popular uprisings in Russia of the XI century in the Tale of Bygone Years]. Istoriya SSSR. No. 2. 1979. (In Russian).

Rybina E. A. O dvuh drevneishikh torgovykh dogovorakh Novgoroda [About the two oldest trade agreements of Novgorod]. Novgorodskii istoricheskii sbornik. No. 3 (18). 1989. (In Russian).

Safronenko K. A. Obshchestvenno-politicheskii stroi Galitsko-Volynskoi Rusi [Socio-political system of Galician-Volyn Rus]. Moscow, 1955. (In Russian)..

Sverdlov M. B. Genezis i struktura feodal'nogo obshchestva v Drevnei Rusi [Genesis and structure of feudal society in Ancient Russia]. Leningrad, 1983. (In Russian)..

Sverdlov M. B. Domongol'skaya Rus'. Knyaz' i knyazheskaya vlast' na Rusi VI – pervoi treti XIII vv. [Pre-Mongol Russia. Prince and princely power in Russia VI – the first third of the XIII centuries]. St. Petersburg, 2006. (In Russian).

Skobelev A. V. «Ludi» v sisteme sotsialnih svyazey vostochnoslavyanskogo obshchestva VI – pervoy treti XIII v. [«Ludi» in the system of social relations of the East Slavic society of the VI – first third of the XIII century] Dissertatsiya na soiskatel'stvo uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Izhevsk, 2010. (In Russian).

Slovar' drevrusskogo yazyka (XI–XIV vv.): v 10 t. [Dictionary of the Old Russian language (XI–XIV centuries): in 10 vol.] Vol. 5. Moscow, 2002. (In Russian).

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries]. Iss. 2. Moscow, 1975. (In Russian).

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries]. Iss. 10. Moscow, 1983. (In Russian).

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries]. Iss. 17. Moscow, 1991. (In Russian).

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries]. Iss. 22. Moscow, 1997. (In Russian).

Solov'ev S. M. Daniil Romanovich, korol' Galitskii [Daniil Romanovich, the King of Galicia] // Sovremennik. Vol. 1. Dep. 2. 1847. (In Russian).

Solov'ev S. M. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen [History of Russia since ancient times]. Book 1. Vol. 2. St. Petersburg, 1851. (In Russian).

Sreznevskii I. I. Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam [Materials for the dictionary of the Old Rus language on written monuments]. Tom vtoroi. L–P. St. Petersburg, 1902. (In Russian).

Sreznevskii I. I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam [Materials for the dictionary of the Old Rus language on written monuments]. Tom tretii. R–IA. St. Petersburg, 1910. (In Russian).

Stefanovich P. S. Otnosheniya knyazya i znati v Galitskom i Volynskom knyazhestvakh do kontsa XII v. [The relations of the prince and the nobility in the Galician and Volyn principalities until the end of the XII century]. Srednevekovaya Rus'. Iss. 7. Moscow, 2007. (In Russian).

Stefanovich P. S. Boyare, otroki, druzhiny. Voenno-politicheskaya elita Rusi v X–XI vekakh [Boyers, youths, squads. Military-political elite in Rus in the X–XI centuries]. Moscow, 2012. (In Russian).

Stefanovich P. S. Drevlyanskaya dan' kievskim knyaz'yam [Drevlyans tribute to the Kiev princes]. Po lyubvi, v" pravde, bezo vsyokie khitrosti. Druz'ya i kollegi k 80-letiyu Vladimira Andreevicha Kuchkina. Coll. of art. Moscow, 2014. (In Russian).

Strakhova O. B. Rekosha druzhina Igorevi... K stat'e A. A. Gippiusa o lingvotekstologicheskoi stratifikatsii Nachal'noi letopisi [Rekosha druzhina Igorevi... To the article by A. A. Gippius on the linguotextological stratification of the Initial Chronicle]. Palaeoslavica. Vol. XVI. No. 2. 2008. (In Russian).

Tolochko P. P. Vlast' v Drevnei Rusi X–XIII vv. [Power in Ancient Russia of the X–XIII centuries]. St. Petersburg, 2011. (In Russian).

Fomichev M. V., Nesin M. A. Aleksandr Nevskii i Litva: voenno-politicheskie otnosheniya Severo-Vostochnoi Rusi i Litvy v 30-60 gg. XIII v. [Alexander Nevsky and Lithuania: military-political relations of Northeastern Russia and Lithuania in the 30-60s of the XIII century]. Novogardia. No. 2. 2019. (In Russian).

Froyanov I. Ya. O sobytiyakh 945-946 gg. v drevlyanskoi zemle i Kieve (v svete etnograficheskikh dannyykh) [On the events of 945-946 in the Drevlyansk land and Kiev (in the light of ethnographic data)]. Istoricheskaya etnografiya. St. Petersburg, 1993. (In Russian).

Shakhmatov A. A. Razyskaniya o drevneishih russkikh letopisnykh svodakh [Investigations about the most ancient chronicle cods]. Letopis' zanyatii arkhograficheskoi komissii. Vol. 20. St. Petersburg, 1908. (In Russian).

Shchavelev A. S. "Plemena" vostochnykh slavyan: etapy zavoevaniya i stepen' zavisimosti ot derzhavy Ryurikovichei v X v. ["Tribes" of the Eastern Slavs: stages of conquest and the degree of dependence on the Rurik empire in the X century]. Rus' epokhi Vladimira Velikogo: gosudarstvo, tserkov', kul'tura. Moscow–Vologda, 2017. (In Russian).

Shchavelev A. S. Khronotop derzhavy Ryurikovichei (911–987 gody) [Chronotope of the Rurikovich Empire (911–987)]. Moscow, 2020. (In Russian).

Shchapov Ya. N. Knyazheskie ustavy i tserkov' v Drevnei Rusi XI–XIV vv. [Princely charters and the Church in Ancient Russia of the XI–XIV centuries]. Moscow, 1972. (In Russian).

Yushkov S. V. Obshchestvennyi stroi i pravo Kievskogo gosudarstva [The social system and the law of the Kievan state]. Moscow, 1949. (In Russian).

Yushkov S. V. Russkaya Pravda [Russian Truth]. Moscow, 1950. (In Russian).

Yanin V. L. Novgorodskie posadniki [Novgorod posadniks]. Moscow, 2003. (In Russian).

About the author

Nesin Mikhail A., PhD in History, Scientific Secretary of the Interregional Organization of Social and Humanitarian Scientific Research "Historical Consciousness" St. Petersburg (Russia). Research interests: history and historical geography of Medieval Rus.

E-mail: petergof-history@yandex.ru